

Гете и христианство *).

ХІ.

Чтобы понять философію Спинозы слѣдуетъ поставить ее въ связь съ предшествовавшей ей философіей картезіанской. Декартъ установилъ дуализмъ духа и матеріи, духъ и матерія были для него двѣ независимыя субстанціи. Спиноза пытается превратить картезіанскій дуализмъ въ монизмъ. Для него есть только одна субстанція, *Deus sive natura*. Но дуализмъ не разрѣшенъ, ибо во всей силѣ противоположность субстанціи и модуса, Бога и человѣка.

Уже въ картезіанской философіи, захватившей церковные круги Франціи, намѣтилась антихристианская тенденція. Картезіанство не могло принять церковнаго ученія о евхаристіи. Для картезіанства возможно только измѣненіе модусовъ, субстанція же должна оставаться неизмѣнна. Въ евхаристіи наоборотъ модусъ остается неизмѣннымъ, а субстанція хлѣба и вина превращается въ субстанцію плоти и крови. Схоластикъ Абеляръ допускалъ превращеніе субстанцій; по его ученію, мы именно подъ модусомъ хлѣба и вина причащаемся плоти и крови. Но для Декарта превращеніе субстанцій было абсурдомъ.

Между тѣмъ картезіанская философія захватила Поръ Рояль, ясеннеты были отчасти картезіанцами, поскольку они исходили изъ односторонняго пониманія Августина. На защиту евхаристіи противъ картезіанства энергично выступили иезуиты.

*) Окончаніе. См. „Бог. Вѣст.“ Февраль—Мартъ 1917 г.

Послѣ расцвѣта итальянскаго Ренессанса, послѣ могучаго XVI-го вѣка, съ его Рафаэлемъ и Буанаротти, XVII вѣкъ былъ вѣкомъ упадка. Моду задавалп французы. Декартъ былъ отцомъ французской философіи XVII вѣка, съ ея математическими безжизненными принципами, съ ея непониманіемъ природы. Чѣмъ Декартъ былъ въ философіи, тѣмъ въ поэзіи были Корнель, Расинъ, Буало. Форма отдѣлилась отъ содержанія, матерія отъ духа. Въ философіи Декарта духъ и матерія сцѣплены также механически, какъ содержаніе и форма въ поэмахъ Буало. При картезіанскихъ предпосылкахъ, догматы боговоплощенія, непорочнаго зачатія, воскресенія и евхаристіи не имѣютъ смысла. Для Декарта не могло быть превращенія субстанцій, какъ для Спинозы превращенія субстанцій въ модуль.

Философія XVII в. отрицала реальность демоновъ, и здѣсь оказывалась въ противорѣчій какъ съ церковью, такъ и съ античнымъ міромъ и Ренессансомъ. Въ вопросѣ о демонахъ Гете рѣзко расходится со Спинозой. Гете придавалъ особое значеніе демоническимъ воздѣйствіямъ на нашу жизнь. Механической, математической и метафизической пантеизмъ Спинозы превратился у него въ пантеизмъ естественно-научный и эллинистически-эстетическій. Но прежде чѣмъ перейти къ различіямъ Гете и Спинозы, укажемъ на ихъ сходство.

Гете, какъ и Спиноза, не признавалъ Бога внѣ природы, трансцендентнаго. „Почитають Того, кто даетъ кормъ скоту, и до сытости пищу и питье человѣку; я же обожаю того, кто вложилъ въ міръ такую силу производительности, что если только милліонная часть тварей вступить въ жизнь, то и тогда міръ до того кипитъ ими, что противъ нихъ не могутъ ничего подѣлать ни война, ни чума, ни вода, ни огонь. Вотъ мой Богъ“! Это Богъ не христіанскій, не Отецъ, не творецъ міра, а имманентная причина міра—Deus sive natura. Главное проявленіе божества въ природной производительности, въ сохраненіи жизни. Богъ — матерія, какъ субстанція, матерія, которая не убываетъ въ своемъ цѣломъ и равнодушно смотритъ на смѣну своихъ формъ и индивидуальныхъ существованій. Но Гете не выдерживаетъ этой точки зрѣнія. Его божество болѣе похоже на безсозпательное Гартмана, чѣмъ на субстанцію Спинозы. „Богъ приводитъ въ

движеніе міръ; природа въ немъ и онъ въ природѣ; ничто, что живетъ, движется и существуетъ о немъ, не лишено ни его силы, ни его духа.

„Если бы Богъ не одушевлялъ птицу всемогущимъ влеченіемъ къ ея дѣтенышамъ, если бы подобное стремленіе не проникало все живое во всей природѣ, то и міръ не могъ бы существовать. Всюду распространена божественная сила, всюду дѣйствуетъ вѣчная любовь“ (Разговоры съ Эккерманомъ, II, 369).

Такъ и Гартманъ видѣлъ во всей природѣ благою и безсознательную силу, которая стягиваетъ раны и одушевляетъ птицъ любовью къ дѣтямъ. Но подобный оптимизмъ касается только одной стороны міровой жизни. Если во всей природѣ разлита божественная сила, то какъ объяснить законъ борьбы за существованіе, какъ объяснить, что все на землѣ живетъ лишь взаимнымъ истребленіемъ? Птицы истребляютъ насѣкомыхъ, человѣкъ истребляетъ птицъ... Наконецъ всякое живое существо погибаетъ и разлагается. Не ясно ли, что, рядомъ съ божественной силой, въ природѣ дѣйствуетъ какая-то другая, противоположная сила, сила взаимнаго истребленія? Что природа—не всегда мать, а часто—мачеха? что она даритъ счастье только немногимъ здоровымъ существамъ, что милліоны слабыхъ, больныхъ существъ осуждены на вѣчное страданіе? что и немногіе избранныки природы умираютъ? что вся красота, вся разумность человѣка дѣлается горстью праха?

Богъ Спинозы и Гете—не любящій Отецъ библіи; это, говоря словами Тютчева,— „всепоглощающая и миротворная бездна“, поглощающая всѣ индивидуальныя существа, всѣ преходящія модусы. Если божество проявляетъ себя только въ природной производительности, то дѣйствительно нѣтъ свободы духа, нѣтъ спасенія для личности.

Христосъ пришелъ, чтобы освободить насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, спасти отъ пожиранія природы и облечь въ нетлѣніе. Божество такъ чуждо законовъ природной жизни, что Христосъ не могъ родиться иначе, какъ отъ дѣвы. Это совершенно непонятно для Гете.

Однажды Гете получилъ копию коровы Мирона съ сосущимъ теленкомъ. „Вотъ“, сказалъ онъ, „одинъ изъ высочайшихъ сюжетовъ; въ прекрасномъ образѣ тутъ является

передъ нашими глазами охраняющій міръ и проникающій всю природу принципъ вскармливанья. Такіе и подобные сюжеты я называю символами вездѣсущности Божіей“. Мадонна съ Иисусомъ для Гете только высшее проявленіе того охраняющаго міръ принципа вскармливанія, который восхитилъ его въ коровѣ Мирона. Поэтому въ итальянскихъ галереяхъ онъ останавливался такъ внимательно на Мадоннахъ Ренессанса, изображенныхъ въ минуту кормленія. Эти мадонны — просто матери, а не дѣвы-матери, сердце имъ не пронзили семь мечей небесной скорби.

Итакъ, для Гете, какъ и для Спинозы, Богъ есть природа. Но природа Гете—не метафизическая субстанція, это—совокупность физическихъ и химическихъ явленій. Если для Спинозы Богъ=природа, то для Гете скорѣе природа=Богъ. Спиноза—метафизикъ, Гете—эмпирикъ.

Еще болѣе отдѣляетъ Гете отъ Спинозы эллинизмъ Ренессанса, вѣра въ демоническія силы, которыми полна природа. Вѣра въ демоновъ изъ Среднихъ Вѣковъ перешла и въ Возрожденіе. Люди Среднихъ Вѣковъ вѣрили, что божества античнаго міра — реальные демоны, съ которыми возможно общеніе. Люди Возрожденія не потеряли этой вѣры, только перестали бояться демоновъ. Въ XVII мѣ вѣкѣ Беккеръ началъ сильную полемику съ вѣрой въ демоновъ. Центромъ отрицанія демоновъ была картезіанская школа. Когда Спинозѣ указывали на то, что существованіе демоновъ признавали Сократъ, Платонъ и Аристотель, онъ отвѣчалъ, что не высоко цѣнить названныхъ философовъ, и ссылаясь на авторитеты Демокрита, Эпикура и Лукреція. Такимъ образомъ Спиноза являлся отрицателемъ не только библіи и евангелія, но и греческаго идеализма. Единственные философы античнаго міра, которыхъ онъ признавалъ,—атомисты и матеріалисты.

Гете былъ слишкомъ эллинь, чтобы послѣдовать за Спинозой въ отрицаніи демоновъ. Къ вопросу о демоническомъ онъ неоднократно возвращается въ разговорахъ съ Эккерманомъ.

„Демоническое есть то, что нерѣшается при помощи разума и разсудка... Демоническія существа греки причисляли къ полубогамъ“.

„Мы всѣ бродимъ среди тайнъ. Мы окружены атмосферой,

о которой ровно ничего не знаемъ, что въ ней дѣлается и въ какомъ отношеніи она находится къ нашему духу. Известно только, что въ нѣкоторыхъ особыхъ состояніяхъ, чувствительныя нити нашей души могутъ переступить свои тѣлесныя границы и предчувствовать, даже вполне видѣть, ближайшее будущее“.

„Въ поэзій вообще есть нѣчто демоническое и особенно въ безсознательномъ, гдѣ недостаточны ни весь умъ, ни весь разумъ и которое поэтому дѣйствуетъ свыше всякаго понятія.

„Оно въ высшей степени свойственно музыкѣ, ибо она стоитъ такъ высоко, что недоступна для ума и отъ нея исходитъ впечатлѣніе, покоряющее всѣхъ, но въ которомъ никто не въ состояніи дать себѣ отчета. Религіозный культъ также не можетъ обойтись безъ него; оно одно изъ первыхъ средствъ, дабы чудеснымъ образомъ дѣйствовать на людей.

„Поэтому-то демоническое и любитъ набрасываться на замѣчательныхъ людей, особенно когда они занимають высокое положеніе, какъ Фридрихъ и Петръ Великій“. (II, 334—335).

Спиноза отрицалъ всякую магію, и демоновъ, и ангеловъ. Для него, какъ для Толстого, причастіе было также невозможно, какъ колдовство. Гете вступилъ въ заколдованный лѣсъ магіи, погрузился въ языческую мистику. Разъ признана множественность сверхъестественныхъ силъ и ихъ воздѣйствіе на жизнь, естественно притти къ христіанской вѣрѣ въ ангеловъ и тайнства. Но Гете не пошелъ въ этомъ направленіи. Онъ пошелъ не въ церковь, а къ колдунамъ и демонамъ. Для христіанства нѣтъ демоновъ: есть ангелы и бѣсы, внушенія отъ Бога и отъ Сатаны. Общеніе съ Богомъ достигается путемъ труднаго, упornaго подвига. Сатана всегда къ услугамъ. Но если человѣкъ науки покорилъ себѣ силы природы, то не въ правѣ ли онъ заставить служить себѣ и демоническія силы, которыми полна природа? Нельзя ли сдѣлать бѣсовъ своими слугами?

Для христіанина общеніе съ бѣсами есть неизбежный путь къ гибели души. Святой Кипріанъ спутался съ демонами и едва спасъ свою душу путемъ покаянія и подвиговъ. Но человѣкъ Возрожденія, новый эллинь, не въ правѣ ли отвергнуть христіанскую форму легенды и сдѣлать Кипріана ге-

роемъ-мудрецомъ, человѣкомъ вѣчнаго стремленія, жажды наслажденія и знанія? Нельзя ли черезъ жизнь въ общеніи съ демонами привести его къ Богу? Если природа есть Богъ, то демоническія силы, которыми полна природа, не противоположны природѣ божественной. Такъ мы подошли къ темъ „Фауста“. Первая часть „Фауста“ посвящена магіи средне-вѣковой, вторая—античной.

XII.

Въ „Дѣяніяхъ апостоловъ“ разсказывается о Симонѣ-волхвѣ, самарійскомъ магѣ, который пришелъ къ апостоламъ Петру и Іоанну и „принесъ имъ денегъ: говоря, дайте и мнѣ власть сію, чтобы тотъ, на кого возложу я руки, получалъ Духа Святого. Но Петръ сказалъ ему: серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою; потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги. Итъ тебѣ въ семь частей и жребія, ибо сердце твое неправо предъ Богомъ“ (8, 18—21).

Въ произведеніи 2-го вѣка христіанской эры, въ „Климентинахъ“, опять мы встрѣчаемся съ Симономъ-магомъ. Въ Самаріи жилъ во времена Іоанна Предтечи пророкъ Досиѳей. Онъ имѣлъ жену Елену и тридцать учениковъ и считалъ себя сыномъ Божіимъ, предсказаннымъ въ писаніи Вѣтхаго Завѣта. Какъ вѣрно объясняетъ профессоръ Ѡ. Ф. Зѣлинскій, Елена—это эллинизмъ, вторгшійся въ іудейскую ересь. Въ легендѣ о Досиѳеѣ—зерно будущаго гностицизма. Жену Досиѳея Елену похищаетъ его ученикъ Симонъ-магъ и отъ нея научается тайнамъ магіи. Герой Климентинъ—святой Климентъ, ученикъ апостола Петра, впоследствии римскій папа. У Климента есть отецъ Фаустъ и братъ Фаустинъ. Фаустинъ сталъ ученикомъ Симона мага и едва не погубилъ свою душу. Но его спасъ апостоль Петръ.

Какъ мы видимъ, не только сюжетъ легенды о Фаустѣ, но и самое имя Фаустъ восходитъ къ апостольскимъ временамъ. Сохраненная легендой чета—Симонъ волхвъ и Елена—Селена—луна—царица чаръ—въ Средніе Вѣка превращается въ Фауста и Елену. Въ Средніе Вѣка сохраняется и христіанскій смыслъ легенды. Какъ говоритъ Зѣлинскій, „эта чета несомнѣнно принадлежитъ дьяволу“. Но въ эпоху Возрожденія „уже не считается несомнѣннымъ, что Фаустъ при-

надлежитъ дьяволу, нѣтъ: мѣсто старинной вражды занялъ прочный, сознательный и плодотворный миръ“. Насколько этотъ миръ дѣйствителенъ, мы увидимъ, разбирая „Фауста“ Гёте. Нѣмецкій поэтъ воплотилъ въ своемъ „Фаустѣ“ всю языческую идеологию Возрожденія.

Предшественники Гёте Марло и Кальдеронъ не отступили отъ христіанскаго пониманія легенды о Фаустѣ. Въ „Фаустѣ“ Марло чернокнижникъ и колдунъ Фаустъ погибаетъ. Въ драмѣ Кальдерона *El Magico Prodigioso* герой, аналогичный Фаусту, молодой философъ Кипріанъ спутался съ бѣсами. Но, какъ въ „Климентинахъ“ Фаустина спасаетъ апостоль Петръ, такъ у Кальдерона погибающаго Кипріана спасаетъ христіанка Юстина. Покаявшійся Кипріанъ становится мученикомъ христіанской вѣры и его вмѣстѣ съ Юстиной сожигаютъ на кострѣ. Марло и Кальдеронъ показали два единственно возможные (съ христіанской точки зрѣнія) конца для человѣка, продавшаго душу дьяволу: или гибель, какъ у Марло, или покаяніе и мученичество, какъ у Кальдерона.

Гёте передѣлалъ сюжетъ Фауста. Его чернокнижникъ не погибаетъ, но и не кается. Наоборотъ, за это-то его дѣло, за его чернокнижіе, за его колдовство, за его шаганіе черезъ человѣческія жизни, онъ объявляется „человѣкомъ стремленія“, дьяволь обмануть и посрамленъ, а Фаустъ возносится ангелами и святыми аскетами къ самому престолу Пресвятой Дѣвы—*Mater Gloriosa*. Идея „Фауста“ явно гностическая. Можно достигъ неба, вѣчнаго блаженства и не черезъ Христа и дѣла любви, а и черезъ союзъ съ дьяволомъ, колдовство и презрѣніе человѣческихъ жизней. Человѣкъ, всю жизнь наслаждавшійся, благодаря услугамъ дьявола, послѣ смерти идетъ къ вѣчному наслажденію на небѣ среди ангеловъ, окруженный святыми: Францискомъ—*Pater Seraphicus*, *Doctor Marianus*, *Pater Ecstaticus*, Маріей Египетской и т. д.

Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху, звѣзды—внизу,
Все, что вверху, то и внизу,—
Если поймешь, благо тебѣ.

Этотъ завѣтъ отца гностиковъ Гермеса Трисмегиста и есть идея „Фауста“. „Фаустъ“ Гёте—вызовъ не церкви, даже не христіанству, но естественной, здоровой нравственности. Апофеозъ колдуна и убійцы,—что это какъ не начало ницшеан-

свой переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, философіи „по ту сторону добра и зла“?

Разберемъ „Фауста“ послѣдовательно.

ХІІІ.

„Фаустъ“ начинается съ пролога на небѣ. Разговоръ Бога съ Мефистофелемъ показываетъ намъ еще разъ, что Гете не вѣрилъ въ христіанскаго Бога. Богъ былъ для него только имманентной силой природы, и понятно, что Богъ на небѣ явился бутафорской фигурой. Съ дьяволомъ у этого Бога отношенія педурныя. Богъ говоритъ, что Онъ нарочно посылаетъ дьявола людямъ, чтобы онъ не давалъ имъ заснуть, облѣпиться. Дьяволъ способствуетъ человѣческой самодѣятельности и осуществленію божественныхъ плановъ. Однимъ словомъ, Богъ—мудрый правитель міра, Мефистофель одинъ изъ его слугъ. Богъ хочетъ надуть Мефистофеля и оставить его въ дуракахъ. Далѣе мы увидимъ, что это удастся...

Фаустъ—магъ и ученый, которому надоѣло жить; отчаявшись въ мудрости, онъ собирается отравиться. Въ это время раздается пасхальное пѣніе, пѣніе ангеловъ и миропосиць. Фаустъ вспоминаетъ свое дѣтство, какъ сладко было ему молиться по субботнимъ вечерамъ. Это пѣніе, эти воспоминанія даютъ ему вновь силу жизни, онъ отказывается отъ мысли о самоубійствѣ. Что будетъ дальше? Если впечатлѣнія христіанства удержали Фауста на краю гибели, не естественно ли ожидать въ немъ благодарнаго отношенія къ этимъ святымъ впечатлѣніямъ, стремленіе проникнуть въ тайну той силы, которая спасла его въ роковую минуту? Ничего подобнаго. Вскорѣ Фаустъ гуляетъ съ Вагнеромъ за городомъ. Кругомъ—веселый сельскій праздникъ, игривыя пѣсни, шутки, танцы. При видѣ одного стараго камня, Фаустъ вспоминаетъ, какъ въ дѣтствѣ онъ часто молился на этомъ камнѣ и терзалъ свою плоть постомъ. Но все это для Фауста—милая поэзія дѣтства, „о какихъ-то все игрушкахъ золотые сны“ ¹⁾. Съ улыбкой вспоминая наивныя дѣтскія заблужденія, Фаустъ обращается съ дивной рѣчью къ заходящему солнцу. Это вновь Гете-эллинь, ученикъ Апол-

¹⁾ Ствхъ Полонскаго.

лона, какимъ мы видимъ его въ Италиі. Не Богъ молитвъ и постовъ—богъ Фауста, а богъ познанія и наслажденія. Въ видѣ чернаго пуделя Мефистофель проникаетъ въ домъ Фауста. Фаустъ заключаетъ съ нимъ договоръ: Мефистофель дѣлается слугою Фауста при жизни, на томъ условіи, что по смерти душа Фауста будетъ принадлежать Мефистофелю. Послѣдній начинаетъ развлекать Фауста. Сначала онъ везетъ его въ винный погребъ Ауэрбаха. Тамъ Мефистофель производитъ чудо: магическимъ способомъ достаетъ вино, которое затѣмъ обращается въ адское пламя. Фаустъ не остается доволенъ безобразной оргіей въ винномъ погребѣ..

Затѣмъ друзья отправляются въ еще менѣе почтенное учрежденіе: на кухню вѣдьмы. Тамъ Фаустъ выпиваетъ бѣсовскаго зѣлья, которое зажигаетъ его похотью. Въ этомъ настроеніи видитъ онъ въ зеркалѣ изображеніе красивой женщины и хочетъ немедленно ей обладать. Далѣе появляется Гретхенъ. Это—мѣщанка, дѣвушка бѣдная, очень набожная, скромная, невинная, какъ дитя, ей только 15-й годъ. Фаустъ видитъ ее въ первый разъ, когда она идетъ изъ церкви, отъ исповѣди, съ молитвенникомъ въ рукахъ. Фаустъ, еще опьяненный зельемъ вѣдьмы, мгновенно воспламеняется страстью. Онъ хочетъ обладать Гретхенъ немедленно, сегодня же въ ночь. Похоже ли это на любовь? Ясно, что здѣсь не любовь, а чувственность, поджигаемая магическимъ воздѣйствіемъ... Неожиданно Мефистофель отказывается исполнить желаніе Фауста:

Итъ, эта отъ поа идетъ,
 Что отпустилъ ей прегрѣшенъ;
 Припалъ я къ двери на мгновенъ,—
 Нельзя невпняій быть, скромнѣй;—
 И каяться-то не въ чѣмъ ей...
Моя тутъ сила не возьметъ 1).
 Über die hab' ich keine Gewalt.

Фаустъ грозитъ Мефистофелю:

Коль ты не въ силахъ мнѣ помочь
 Ее обнять сегодня въ ночь,—

1) Мы приводимъ цитаты въ переводѣ Фета, который, не смотря на тяжелый слогъ, все же является лучшимъ поэтическимъ переводомъ Фауста на русскій языкъ. Гдѣ требуется большая точность, мы приводимъ нѣмецкій текстъ или прозаическій переводъ Вейнберга.

Съ тобою въ полночь мы чужіе...
 Когда бъ на полдни я остылъ,
 Я бъ даже чорта не спросилъ,
 Чтобъ соблазнить такую крошку.

Теперь намъ хочется спросить Гете: какъ назвать поступокъ Фауста? Безъ малѣйшаго колебанія онъ требуетъ у чорта, чтобы тотъ далъ ему для наслажденія четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, только что бывшую у исповѣди? Для чорта ея чистота, ея вѣра, ея безгрѣшность, отпущеніе ея невинныхъ грѣховъ Церковью—являются помѣхой для отвратительнаго дѣла. Но Фаустъ оказывается менѣ совѣстливъ, чѣмъ чортъ, онъ ничего не хочетъ слышать. У этого героя познанія, „вѣчнаго стремленія“ одна только цѣль: удовлетворить свою страсть, кипящую въ его членахъ послѣ того, какъ онъ отвѣдалъ зелья вѣдьмы.

Далѣе Гете вводитъ насъ въ домашнюю жизнь Гретхенъ.

Мой братъ солдатъ,
 Сестра умерла,
 Съ ребенкомъ этимъ что я горя припяла,
 Но я бы съ радостью опять пошла на муки,
 Будь живъ онъ.

Чтобы соблазнить Гретхенъ, Мефистофель тайно приноситъ въ ея комнату ящикъ съ драгоценностями. Мать Гретхенъ, про которую Мефистофель говоритъ:

У этой бабы чуткій носъ,
 Онъ на молитвенникъ взрость
 И чуетъ всюду,
 Святая это вещь иль пѣть.

подозрѣваетъ печистое происхожденіе ящика и отдаетъ его священнику, въ даръ Богородицѣ. Здѣсь Гете пользуется случаемъ обличить корыстолюбіе духовенства.

У церкви все варить желудокъ:
 Она и страны пожраетъ,
 А все же сытой не бываетъ.
 Невредно церкви безъ сомнѣнья
 Неправое прибрѣтенъе.

Страсть Фауста разгорается. Онъ опять требуетъ отъ Мефистофеля, чтобы тотъ далъ ему Гретхенъ. При этомъ Фаустъ концунствуетъ:

Ja, ich beneide schon den Leib des Herrn,
Wenn ihre Lippen ihn indes berühren.

Но вѣра Гретхень еще охраняетъ ея жизнь отъ бѣсовскихъ козней. Набожность ея такъ глубока, что, не смотря на все очарованіе Фауста, ее смущаетъ его невѣріе. Она спрашиваетъ Фауста о его вѣрѣ. Тотъ сначала уклончиво отвѣчаетъ:

Оставь, дитя! Мою ты сознаешь любовь...
Ne стану отнимать я Церкви у страны.

Но Гретхень, какъ твердая христіанка, упорно добивается своего:

Нѣтъ, мало этого; мы вѣровать должны.
Das ist nicht recht, man muss dran glauben!

„тайнствъ ты не считаешь“— „Du ehrst auch nicht die heil'gen Sakramente“, „не приносишь давно ты въ церкви покаянья. А въ Бога вѣришь ли?“

Фаустъ развѣртываетъ передъ бѣдной мѣщанкой навлиніи хвостъ пантеизма. Но напрасно думаетъ онъ ослѣпить ее своимъ краснорѣчіемъ. Гретхень твердо держится за свою вѣру. Выслушавъ исповѣдь Фауста, она говоритъ:

Послушать, такъ и съ правдой схоже,
Но въ этомъ есть изъянъ одинъ,—
Въ душѣ ты не христіаникъ.
Denn du hast kein Christentum.

Затѣмъ Гретхень говоритъ о томъ постоянномъ ужасѣ, который внушаетъ ей Мефистофель. Послѣ этого разговора Гретхень отдается Фаусту.

Гретхень погибла, но въ лицѣ этой бѣдной мѣщанки все христіанское человѣчество сказало великому Гёте:

Denn du hast kein Christentum.

„По плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Истинный Богъ, если бы онъ жилъ въ душѣ Фауста, не допустилъ бы его до союза съ дьяволомъ, до соблазненія Гретхень, до убійства Валентина. Но Богъ-природа не такъ строгъ. Какъ природа побуждаетъ мать питать дитя своимъ молокомъ и та же природа побуждаетъ удава раздавить челоуѣка въ своихъ кольцахъ,—такъ и Богъ-природа равнодушно смотритъ на преступленія Фауста.

XIV.

За паденіемъ Гретхень слѣдуетъ рядъ несчастій. Гретхень дѣлается беременной, молва о ея паденіи разносится по околотку. Ее мучаетъ совѣсть, страхъ загробнаго воздаянія. Возвращается ея братъ, солдатъ Валентинъ. Заступаясь за честь сестры, Валентинъ завязываетъ поединокъ съ Фаустомъ. Подкрѣпляемый Мефистофелемъ, Фаустъ убиваетъ Валентина.

Умирающій Валентинъ проклинаетъ сестру и оскорбляетъ ее именемъ продажной женщины. Доведенная до отчаянія, Гретхень убиваетъ своего ребенка. Мы объ этомъ узнаемъ в послѣдствіи.

Какъ дошла Гретхень до преступленія, это не видно. Та Гретхень, которую мы знаемъ до смерти Валентина, едва ли способна къ дѣтубійству. Но, быть можетъ, разумъ ея уже помутился.

Убивъ Валентина, Фаустъ покидаетъ Гретхень. Онъ отправляется съ Мефистофелемъ на Гарцъ, на шабашъ вѣдьмы. Слѣдуютъ безобразныя, мрачныя и грязныя сцены средне-вѣковаго шабаша. Послѣ шабаша Фаустъ узнаетъ, что Гретхень—въ тюрьмѣ и будетъ казнена за дѣтубійство. Онъ раздражается проклятіями на Мефистофеля. вмѣсто покаянія, онъ только бранитъ своего слугу, забывая, что тотъ былъ его орудіемъ. Фаустъ и Мефистофель летятъ въ тюрьму освободить Гретхень, но поздно. Гретхень они находятъ въ состояніи полнаго безумія. Она узнаетъ Фауста, ни въ чемъ его не упрекаетъ, полна прежней любви. Мефистофель появляется на порогѣ и говоритъ, что огненные кони готовы ихъ умчать. Гретхень исполняется дикимъ ужасомъ при видѣ Мефистофеля. Не перенося возбужденія, она падаетъ мертвой, обращаясь съ горячей молитвой къ Богу. Мефистофель говоритъ „моя“ и хочетъ взять душу грѣшницы, но раздается голосъ свыше: „спасена“.

Помилованіе Гретхень ясно вытекаетъ изъ милосердія Божія. Но не такъ легко спасти виновника ея гибели, продавшаго душу сатанѣ. Посмотримъ, какъ будетъ Гете спасать душу своего героя.

Первая часть Фауста—итогъ молодости Гете, эпохи до путешествія въ Италію. Здѣсь еще нѣтъ классицизма. Все ды-

шить Германіей, готикой, Средними Вѣками. Гретхенъ—какъ бы воплощеніе чистаго германскаго католицизма Среднихъ Вѣковъ. Мефистофель—дьяволъ средневѣковой легенды. Оба образа автобіографическіе. Имя Гретхенъ взято изъ одного ранняго и мимолетнаго увлеченія Гете. Ея образъ, характеръ наминаютъ Фридеригу, дочь сельскаго пастора, которую также какъ Фаустъ легкомысленно увлекъ и покинулъ молодой Гете. Насколько извѣстно, Гете не соблазнилъ Фридеригу, грѣхъ Фауста остался только въ возможности. Но все же онъ разбилъ ея жизнь...

Въ занятіяхъ Фауста магіей отразились занятія молодого Гете оккультизмомъ, алхиміей и астрологіей. Въ Мефистофель можно уловить нѣкоторыя черты скептическаго друга молодого Гете — Мерка. „Фаустъ“—отчасти автобіографическая исповѣдь.

Послѣ поступковъ, совершенныхъ Фаустомъ въ первой части, ему остается одинъ выходъ: какъ Фаустину и Киприану христіанской легенды, ступить на путь покаянія и нравственнаго возрожденія. Дѣйствительно, что же остается другое? Фаустъ продалъ душу чорту, леталъ и на кухню вѣдьмы, и на Брокенъ, соблазнилъ Гретхенъ съ помощью чорта, покинулъ ее, убилъ ея брата, довелъ ее до дѣтубійства, помѣшательства и тюрьмы. Ясно, что если Гете хочетъ спасти своего героя, то во второй части мы увидимъ Фауста, какъ Фаустина, у ногъ апостола Петра, у порога церкви, простертаго въ слезахъ, мучимаго раскаяніемъ. Посмотримъ, такъ ли это.

XV.

Въ началѣ второй части Фаустъ, распростертый на муравѣ, спокойно ищетъ сна. Надъ нимъ рѣетъ съ пѣніемъ хоръ благодатныхъ духовъ. Восходитъ солнце, и Фаустъ обращается съ привѣтствіемъ къ небесному свѣтилу:

Трепещутъ нульсы жизни вождельно,
Встрѣчая часъ, когда заря блеснула.

Вмѣстѣ съ пробужденной природой и Фаустъ готовъ къ новой, дѣятельной жизни. Онъ вновь начинаеть скитанія со своимъ вѣчнымъ спутникомъ Мефистофелемъ. О Гретхенъ

онъ не вспоминаеть, новые грѣхи нагромождаются на старые.

Но переменна, происшедшая съ Гете послѣ путешествія въ Италію, сказалась во 2-й части „Фауста“. Въмѣсто готики Среднихъ Вѣковъ, вмѣсто сумрачной и таинственной Германіи, мы увидимъ теперь все богатство эллинскаго міра. Магія средневѣковья замѣнена магіей античной. Согласно легендѣ, Фаустъ устремляется къ древней царицѣ красоты, царицѣ чаръ—Еленѣ—Селенѣ.

Главная сила 2-й части „Фауста“—въ античныхъ сценахъ, во 2-мъ и 3-мъ актахъ. Здѣсь геній Гете достигаетъ своего зенита. Трудно рѣшить, чего здѣсь больше: художественной силы, или мудрости, проникновенія въ эллинскій міръ во всей его полнотѣ. Во 2-мъ актѣ Гете какъ бы вскрываетъ подземные родники эллинизма. Онъ низводитъ насъ въ нѣдра греческой мистики, къ таинствамъ Кабировъ. Если 2-й актъ поражаетъ глубиной философскаго проникновенія, то 3-й актъ—совершенство античной красоты, онъ весь дышитъ чарами Софокла и Праксителя.

Послѣ великолѣпной первой сцены 1-го акта, наступаютъ довольно скучныя сцены, загроможденныя аллегоріями. Фаустъ поступаетъ ко двору императора Максимилиана, Мефистофель поступаетъ шуткомъ къ тому же императору. Безконечно-длинный первый актъ кончается вызываніемъ Елены. Передъ собравшимися зрителями Мефистофель вызываетъ древнюю царицу Спарты. Фаустъ исполняется къ ней любовью и требуетъ отъ Мефистофеля, чтобы онъ далъ ему ее, какъ нѣкогда Гретхенъ. За Еленой, за тайной античной красоты, Фаустъ отправляется въ глубь эллинскаго міра, на ессалійскій шабашъ.

Если Гретхенъ была олицетвореніемъ средневѣкового, христіанскаго, германскаго міра, то Елена—олицетвореніе эллинскаго язычества. Гретхенъ встрѣтилась Фаусту на пути изъ церкви, съ четками и молитвенникомъ, и плѣнила его. Теперь не то. Фаустъ, какъ самъ Гете, охладѣлъ къ красотѣ христіанской, красотѣ невинности, незнанія, дѣвства. Въмѣстѣ съ духовнымъ созрѣваніемъ, мѣняется его идеаль; отъ Гретхенъ къ Еленѣ, отъ дѣвушки къ женщицѣ, отъ христіанки къ дочери Зевса и Леды, отъ незнающей, невинной—къ мудрой.

Сначала Фаустъ въ видѣніи видитъ картину зачатія Елены

отъ Леды и Зевса-лебедя¹⁾. Не случайно затронулъ Гете соблазнительный сюжетъ Леды—эту любимую тему живописи Воарожденія, тему Леонардо. Эта ужасная съ христіанской точки зрѣнія тема, была свята для Эллина. Нигдѣ такъ не обнажается сокровенная связь челоуѣка съ природой, какъ въ этихъ, извращенныхъ съ нашей точки зрѣнія союзахъ: бога въ звѣриномъ аспектѣ съ женщиной. Пасифая и быкъ, Европа и Зевсъ въ видѣ быка, Іо, превращенная въ корову, наконецъ союзъ лебедя-Зевса и Леды, отъ котораго рождается самая красивая изъ гречанокъ, сама красота—Елена,— все это священные иконы греческаго пантеизма. Гете стремится проникнуть въ сокровенную мастерскую эллинизма, поймать греческій міръ въ его зародышѣ, чтобы не подражать, а создавать изъ того же матеріала.

Чтобы создать Елену—объективную и мудрую красоту, Гете не подражаетъ Еврипидовой Еленѣ, а отправляется къ истокамъ эллинизма, къ зародышамъ всего сущаго—къ „матерямъ“. „Елена“ могла возникнуть только изъ вессалійскаго шабаша, какъ живая Елена могла возникнуть только изъ ужаснаго для насъ, но святаго для эллина, союза Леды съ лебедемъ.

Гете переноситъ насъ на берега Пенея, въ водяное царство, которое считалось греками началомъ всего сущаго. Пантеизмъ Спинозы превращается у Гете въ *гилозоизмъ* іонійской философіи, въ мистическій натурализмъ. Фаустъ окруженъ водяными божествами: здѣсь и Нерей, и Протей, и Тритонъ, и nereиды. Здѣсь и первый философъ Греціи, основатель іонійскаго гиолозоизма и въ то же время всей греческой философіи, Фалесъ Милетскій, философія котораго дошла до насъ въ двухъ тезисахъ: „Все произошло изъ воды“ и „Все полно боговъ, демоновъ и душъ“. Въ скалистомъ заливѣ Эгейскаго моря, при блескѣ полной луны, происходилъ веселый шабашъ древнихъ боговъ. Еще далеко не только до Аполлона и Діониса, но и до боговъ Гомера. Еще ничто не оформилось, ничто не просвѣтлено лучами Логоса. Въ водѣ кишатъ зародыши всѣхъ формъ, всѣхъ

¹⁾ Начинается описаніе дивными стихами: Фаустъ видитъ побережье и женщинъ, полошущихъ бѣлье, какъ въ VI-й пѣснѣ „Одиссея“. Эти стихи вѣроятно были сочинены Гете для ненаписанной, но задуманной имъ драмы „Навсикая“.

идей будущей Эллады. Хаосъ дышетъ безсознательной чувственной силой, все еще находится въ состояніи разложенья. Гете разлагаетъ формы, сводитъ все къ первичному хаосу, чтобы самому вновь создавать міръ эллинской красоты, озаривъ хаосъ своимъ внутреннимъ свѣтомъ, аполлоновическимъ лучомъ своей разумности. Гете не хочетъ подражать созданіямъ боговъ, хочетъ самъ творить, какъ боги, творить изъ хаоса, являясь соперникомъ боговъ.

Когда Европа была опутана сократизмомъ, Гете своимъ гениемъ прозрѣлъ до-сократовскую Грецію. Первый до Ницше, онъ пошелъ въ сторону отъ Сократа, къ философін іонійскаго пантеизма, къ колыбели греческой мысли.

Кончается 2-й актъ роскошной картиной триумфа Галатеи.

Возлюбленная дочь Пеней, Галатея, — первый аспектъ пѣннорожденной Афродиты, — плыветъ на колесницѣ-раковинѣ, влекомой дельфинами ¹⁾).

Послѣ появленія Галатеи-Венеры хоръ сиренъ поетъ гимнъ Эроту, богу полового влеченія, началу природной жизни:

Хвала же Эроту, онъ все варождаетъ!

Мефистофель чувствуетъ себя плохо на античномъ шабашѣ. Онъ говоритъ, что любятъ сѣверо-западъ, а не юго-востокъ.

На Гарцѣ отдастъ смолой,
А это ужъ любимый запахъ мой,
Равно какъ сѣрный... Здѣсь же эти греки
Подобнаго не нюхали во вѣки.
Желалъ бы я развѣдать, песомѣнно,
Чѣмъ топять адъ они обыкновенно.

Дриада отвѣчаетъ Мефистофелю:

Какъ ты ни будь въ странѣ своей уменъ,
Не будешь ты къ чужой приспособленъ.
Ты-бъ не искалъ предметовъ отдаленныхъ,
А здѣсь хвалили красу дубовъ священныхъ.

Но Мефистофель не внемлетъ совѣту дриады. Ему претитъ греческая нагота... Наконецъ онъ находитъ себѣ подходящее общество среди отвратительныхъ ламій и самъ припимаетъ

¹⁾ Здѣсь Гете, в. м. имѣлъ въ виду столь любимую имъ картину Рафаэля „Триумфъ Галатеи“, въ видѣ „Фарнезинъ“.

отъ Леды и Зевса-лебедя¹⁾. Не случайно затронулъ Гете соблазнительный сюжетъ Леды—эту любимую тему живописи Возрожденія, тему Леонардо. Эта ужасная съ христіанской точки зрѣнія тема, была свята для Эллина. Нигдѣ такъ не обнажается сокровенная связь челоуѣка съ природой, какъ въ этихъ, извращенныхъ съ нашей точки зрѣнія союзахъ: бога въ звѣриномъ аспектѣ съ женщиной. Пасифая и быкъ, Европа и Зевсъ въ видѣ быка, Іо, превращенная въ корову, наконецъ союзъ лебедя-Зевса и Леды, отъ котораго рождается самая красивая изъ гречанокъ, сама красота—Елена,— все это священные иконы греческаго пантеизма. Гете стремится проникнуть въ сокровенную мастерскую эллинизма, поймать греческій міръ въ его зародышѣ, чтобы не подражать, а создавать изъ того же матеріала.

Чтобы создать Елену—объективную и мудрую красоту, Гете не подражаетъ Еврипидовой Еленѣ, а отправляется къ истокамъ эллинизма, къ зародышамъ всего сущаго—къ „матерямъ“. „Елена“ могла возникнуть только изъ ессалійскаго шабаша, какъ живая Елена могла возникнуть только изъ ужаснаго для насъ, но святаго для эллина, союза Леды съ лебедемъ.

Гете переноситъ насъ на берега Пенея, въ водяное царство, которое считалось греками началомъ всего сущаго. Пантеизмъ Спинозы превращается у Гете въ *гилозоизмъ* іонійской философіи, въ мистическій натурализмъ. Фаустъ окруженъ водяными божествами: здѣсь и Нерей, и Протей, и Тритонъ, и nereиды. Здѣсь и первый философъ Греціи, основатель іонійскаго гилозоизма и въ то же время всей греческой философіи, Фалесъ Милетскій, философія котораго дошла до насъ въ двухъ тезисахъ: „Все произошло изъ воды“ и „Все полно боговъ, демоновъ и душъ“. Въ скалистомъ заливѣ Эгейскаго моря, при блескѣ полной луны, происходилъ веселый шабашъ древнихъ боговъ. Еще далеко не только до Аполлона и Діониса, но и до боговъ Гомера. Еще ничто не оформилось, ничто не просвѣтлено лучами Логоса. Въ водѣ кишатъ зародыши всѣхъ формъ, всѣхъ

¹⁾ Начинается описаніе дивными стихами: Фаустъ видитъ побережье и женщинъ, полошущихъ бѣлье, какъ въ VI-й пѣснѣ „Одиссеи“. Эти стихи вѣроятно были сочинены Гете для ненаписанной, но задуманной имъ драмы „Навсикая“.

идей будущей Эллады. Хаосъ дышетъ безсознательной чувственной силой, все еще находится въ состояніи разложенія. Гете разлагаетъ формы, сводитъ все къ первичному хаосу, чтобы самому вновь создавать міръ эллинской красоты, озаривъ хаосъ своимъ внутреннимъ свѣтомъ, аполлоническимъ лучомъ своей разумности. Гете не хочетъ подражать созданіямъ боговъ, хочетъ самъ творить, какъ боги, творить изъ хаоса, являясь соперникомъ боговъ.

Когда Европа была опутана сократизмомъ, Гете своимъ гениемъ прозрѣлъ до-сократовскую Грецію. Первый до Ницше, онъ пошелъ въ сторону отъ Сократа, къ философін іонійскаго пантеизма, къ колыбели греческой мысли.

Кончается 2-й актъ роскошной картиной триумфа Галатеи.

Возлюбленная дочь Пенея, Галатея, — первый аспектъ пѣннорожденной Афродиты, — плыветъ на колесницѣ-раковинѣ, влекомой дельфинами ¹⁾.

Послѣ появленія Галатеи-Венеры хоръ сиренъ поетъ гимнъ Эроту, богу полового влеченія, началу природной жизни:

Хвала же Эроту, онъ все зарождаетъ!

Мефистофель чувствуетъ себя плохо на античномъ шабашѣ. Онъ говоритъ, что любить сѣверо-западъ, а не юго-востокъ.

На Гарцѣ отдаетъ смолой,
А это ужъ любимый запахъ мой,
Равно какъ сѣрный... Здѣсь же эти греки
Подобнаго не нюхали во вѣки.
Желалъ бы я развѣдать, несомнѣнно,
Чѣмъ топять адъ онъ обыкновенно.

Дриада отвѣчаетъ Мефистофелю:

Какъ ты ни будь въ странѣ своей уменъ,
Не будешь ты къ чужой приспособленъ.
Ты-бъ не искалъ предметовъ отдаленныхъ,
А здѣсь хвалили красу дубовъ священныхъ.

Но Мефистофель не внемлетъ совѣту дриады. Ему претитъ греческая нагота... Наконецъ онъ находитъ себѣ подходящее общество среди отвратительныхъ ламій и самъ принимаетъ

¹⁾ Здѣсь Гете, в. м. имѣлъ въ виду столь любимую имъ картину Рафаэля „Триумфъ Галатеи“, въ виллѣ „Фарнезиннѣ“.

личину чудовищной вѣдьмы Форкиады. Что хочеть сказать Гете непричастностью Мефистофеля античному міру?

Очевидно для Гете Мефистофель — созданіе христіанства. По ученію церкви, эллинскіе боги, послѣ пришествія Христа, превратились въ безобразныхъ демоновъ, или, лучше сказать, тѣ демоническія силы, которыя въ языческомъ мірѣ имѣли аспектъ красоты, потеряли этотъ аспектъ. Прекрасный Діонисъ греческаго міаа сталъ козломъ шабаша — *hircus posturnus*. Но для Гете иначе: сущность античныхъ боговъ — красота, христіанство виновно въ томъ, что они превратились въ уродливыхъ демоновъ. Если уйти отъ христіанства, постигнуть духъ эллинизма, исчезнуть безобразныя химеры средневѣковья, Мефистофель потеряеть силу, а міръ снова будетъ юнъ и прекрасенъ. Эллинская красота вновь воцаряется въ мірѣ съ эпохи Возрожденія.

XVI.

Третій актъ „Фауста“ „Елена“ рождается изъ второго акта—еессалійскаго шабаша — какъ живая Елена изъ яйца божественнаго лебедя. Какъ мы уже сказали, Гете соперничаетъ съ богами въ созданіи „Елены“, онъ проникаетъ въ сокровенную мастерскую природы и греческой жизни. Изъ этой мастерской онъ выноситъ дивныя триметры и хоры, дивныя образы, достойныя Гомера. Спартанская царица Елена находитъ пріютъ въ готическомъ замкѣ Фауста. Символь ясенъ. Греческая красота, гонимая христіанствомъ, находитъ себѣ пріютъ въ Германіи, и вотъ уже замокъ — не замокъ, Германія—не Германія. Сила чарь перенесла Фауста и Елену въ Аркадію, въ идеальный край красоты и наслажденія.

То древній лѣсъ! Въ безмолвіи глубокомъ
Тамъ мощный дубъ суки свои простеръ,
И мягко кленъ, наполненъ сладкимъ сокомъ,
Какъ бы смѣясь, возноситъ свой шатеръ.
Природа-мать и дѣтямъ и ягнятамъ
Ужъ молоко подъ тѣнью припасла.
Плоды манятъ въ долину ароматомъ
И каплетъ медъ изъ стараго дупла.

Какъ Фаустъ принималъ въ своемъ готическомъ замкѣ царицу Елену, такъ Гете переселилъ въ Германію — сѣвер-

ную, унылую Германію—солнцеподобную эллинскую красоту. И нѣмецкій языкъ уступилъ очарованію эллинскихъ метровъ. Нѣмецкіе триметры и лирическія партіи звучать въ ладъ съ хорами Софокла, какъ еще ни разу, съ тѣхъ поръ какъ смолкли поэты Аѳинъ.

Отъ любви Фауста и Елены рождается плѣнительный отрокъ Евфоріонъ. Евфоріонъ—и Байронъ, духовный сынъ Гете, не унаслѣдовавшій мудрости и сильной воли своего отца и потому гибнущій въ цвѣтъ лѣтъ, — и еще какой-то нераскрытый символъ.

Блаженство Фауста и Елены проходитъ мгновеннымъ сномъ.

Вслѣдъ за милымъ отрокомъ сходитъ во тьму вѣчной ночи и мать его Елена. Весна боговъ была коротка, какъ возрожденіе Италіи.

3-й актъ „Фаустъ“—верхъ красоты. Эта красота, какъ Евфоріонъ, могла родиться только отъ союза эллинскаго и германскаго геніевъ. Разложивъ природу на ея составные элементы, съ любопытствомъ Леонардо проникнувъ въ тайну зачатія, Гете богоподобной силой разума и вдохновенія изъ этой первичной природы вновь создалъ стройный космосъ—музыкальный и пластическій міръ.

4-й актъ слабѣе. Фаустъ и Мефистофель вновь при дворѣ императора. Императоръ борется съ возставшимъ на него антиимператоромъ, къ которому присоединилась часть его подданныхъ. Хотя народныя требованія справедливы и на сторонѣ народа—церковь, Фаустъ берется помогать императору. Съ помощью колдовства Фаустъ и Мефистофель разбиваютъ войско антиимператора, уже близкое къ побѣдѣ. Какъ въ первой части (эпизодъ съ драгоценностями Гретхенъ) такъ и здѣсь введена сцена, рисующая корыстолюбіе церкви. Послѣ побѣды, во дворецъ является архіепископъ и требуетъ у императора, чтобъ онъ отдалъ церкви ту землю, гдѣ онъ призвалъ себѣ на помощь адскія силы, и воздвигъ на этомъ мѣстѣ храмъ для искупленія грѣха.

Чего хочетъ Гете отъ архіепископа? Предположимъ, что архіепископъ не корыстолюбивъ. Неужели идеальный архіепископъ долженъ сочувствовать тому, что императоръ дѣйствуетъ въ союзъ съ дьяволомъ? Неужели архіепископъ не долженъ напоминать императору о искупленіи грѣха? Не-

ужели архіепископъ не долженъ заботиться о сооруженіи храма? Здѣсь мы видимъ въ Гете того же Вольтерьянца, который писалъ венеціанскія эпиграммы. Уродливое явленіе церковной жизни является только удобнымъ предлогомъ для нападенія на христіанство...

Въ 5-мъ дѣйствиі Фаустъ предается дѣятельности, которую считаетъ полезной для человѣчества. Онъ осушилъ часть моря, провелъ канализацію. Но его планамъ мѣшаетъ старая благочестивая чета Филимонъ и Бавкида. То возвышеніе, на которомъ стоитъ ихъ хижина, осыпанная древними липами, ему нужно для обезпеченія его владѣній. Онъ поручаетъ Мефистофелю выселить стариковъ. Хижина сгораетъ и старики съ ихъ гостями погибаютъ въ пламени. Одна изъ причинъ, почему Фаусту было нужно удалить стариковъ, особенно характерно для Гете. Старики очень богомольны, у нихъ есть часовня и колоколь. Звонъ колоколовъ раздражаетъ Фауста.

„Звонъ маленькаго колокола, запахъ липъ обдають меня ощущеніемъ *церкви и могилы*. Рѣшеніе, принимаемое всемогущимъ человѣкомъ, разбивается на этомъ пескѣ! Какъ освободиться мнѣ отъ этого душевнаго настроенія! Раздается звонъ маленькаго колокола—и я прихожу въ бѣшенство“.

Мефистофель даетъ комментарій къ словамъ своего друга: „Каждому *благородному* уху (*jedem edlen Ohr*) противенъ этотъ звонъ. И проклятые бимъ—бомъ — бумъ (*ferfluchte Bim—Bum—Bimmel*), омрачая ясное вечернее небо, вмѣшиваются во всѣ событія жизни“...

Въ этихъ словахъ Мефистофеля высказался самъ Гете. И для него все церковное именно „омрачало ясное небо“, и „ужасная рана на ребрѣ Распятаго“, и ладанъ, коптящій фрески Микель-Анджело съ „вѣрующимъ нахальствомъ“.

Благочестивые старички были послѣдней жертвой чловѣка познанія, полубога Фауста. Его дальнѣйшую дѣятельность останавливаетъ смерть. У трупа Фауста Мефистофель ждетъ, когда душа умершаго выйдетъ изъ тѣла, чтобы овладѣть ею. Появляются небесныя силы и начинаютъ бороться съ Мефистофелемъ за душу Фауста. Слышно ангельское пѣніе. Опять христіанскія силы, какъ въ первомъ актѣ, являются, какъ *deus ex machina*, чтобы спасти Фауста. Ангелы забрасываютъ Мефистофеля розами. Мефистофель плѣняется

ихъ женственной красотой, горить въ ужасномъ огнѣ, и на конецъ уступаетъ ангеламъ свою добычу.

Какой провалъ драмы весь этотъ финаль! Насколько Гете во 2-мъ и 3-мъ актѣ проявилъ глубокое пониманіе мистики языческой, настолько же онъ оказался безсиленъ въ мистикѣ христіанской. Передъ лицомъ смерти и ада появляется картина въ стилѣ Возрожденія—женоподобные ангелы, бросающіе въ сатану розами и возбуждающіе въ немъ страсть. Здѣсь и ангелы—не ангелы, и сатана—не сатана. Да и самъ Гете не очень вѣрить такому благополучному исходу жизни Фауста, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Но гдѣ же причина спасенія Фауста послѣ всѣхъ его злыхъ дѣлъ и безъ искры покаянія? Объясненіе дается въ эпилогѣ. Здѣсь сонмы ангеловъ вмѣстѣ со святыми анахоретами возносятъ душу Фауста въ рай. Это—апоеозъ Фауста. Вотъ причина его спасенія:

Wer, immer strebend, sich bemüht,
Den können wir erlösen.

поютъ ангелы. „Кто, постоянно стремясь, напрягаетъ усиліе того можемъ мы освободить“.

Стремленіе, напряженіе, активность сама по себѣ является такимъ образомъ достаточнымъ основаніемъ для спасенія. Съ христіанской точки зрѣнія активность ведетъ къ спасенію только тогда, когда она направлена къ доброй цѣли. Пассивность лучше, чѣмъ активность въ злѣ. Но для Гете, который въ этомъ случаѣ является типичнымъ выразителемъ нѣмецкаго характера, активность сама по себѣ есть идеаль, хотя бы результатомъ этой активности были, какъ на нашемъ примѣрѣ, гибель Гретхенъ, смерть Валентина и цѣлый рядъ безнравственныхъ дѣлъ. Еще въ первой части Фаустъ, задумываясь подъ первыми словами Іоаннова евангелія, предлагаетъ замѣнить слова „Im Anfang war das Wort“ словами „In Anfang war die That“. Дѣяніе ставится прежде смысла. Корни этой философіи восходятъ къ языческой древности, къ Гераклиту, мудрость котораго воскресить ученикъ Гете—Ницше.

Если мы вслушаемся въ пѣсни ангеловъ, то убѣдимся, что идеологія ихъ не христіанская, а пантеистическая. Вмѣсто ангеловъ и анахоретовъ передъ нами—боги Греціи, космическіе боги, боги міра сего. Нельзя конечно сказать, что

Гете совсѣмъ не былъ тронутъ вліяніемъ христіанской мистики, но это та мистика, которая стала развиваться передъ эпохой реформаціи, мистика съ ярко выраженнымъ пантеистическимъ оттѣнкомъ. *Pater ecstaticus, pater profundus* прославляютъ „вѣчной любви зерно“ — „Ewiger Liebe Kern“, но это не та любовь, о которой говоритъ евангелистъ Іоаннъ не любовь, противопоставленная міру — космосу, а та сила, которая наполняетъ космосъ, которая подъ именемъ Эроса прославляется заключительными стихами вессалійскаго шабаша:

So herrsche der Eros, der alles begonnen.

И здѣсь, какъ вездѣ, авторъ Фауста вѣренъ гностической концепціи міра, небо верхнее для него то же, что небо нижнее. Этой нехристіанской метафизикѣ соотвѣтствуетъ и нехристіанская мораль. Фаустъ не только спасенъ, онъ будетъ дѣлиться съ блаженными душами своими знаніями, будетъ учить на небѣ:

Doch dieser hat gelernt,
Er wird uns lehren.

Но для христіанъ знаніе божественной истины дается любовью и очищеніемъ сердца. Не достигнувъ ни того, ни другого, вѣчно стремящійся Фаустъ, является на небо не очищенный для небесной жизни. Небо достигается отреченіемъ отъ ада, а не союзомъ съ адомъ. Другое дѣло — Гретхенъ. Какъ невинная жертва магическихъ чаръ, какъ твердая христіанка, она естественно появляется въ сонмѣ блаженныхъ душъ. Но Гете съ фарисейнымъ лицемѣріемъ выставляетъ ее какъ грѣшницу, нуждающуюся въ прощеніи, тогда какъ Фаустъ горделиво возносится въ небеса, какъ мудрецъ и учитель.

Эпилогъ Фауста справедливо считается одной изъ жемчужинъ міровой поэзіи. Но это не должно мѣшать намъ смѣло взглянуть на его религіозный и нравственный смыслъ. Для тѣхъ, кому неясно различіе между христіанствомъ и пантеизмомъ, между мірской философійей и „юродствомъ креста“, конечно этотъ эпилогъ можетъ представляться высокохристіанскимъ. Но для знакомыхъ съ христіанскимъ ученіемъ на основаніи писанія и опыта жизни, прелестныя, порхающія строфы Гете — только фантазіи великаго язычника,

который безнадежно плѣненъ идеологіей греческаго пантеизма и смотритъ на небо сквозь олимпійскія очки.

XVII.

Европейскіе критики, сравнивая языческаго „Фауста“ Гете съ христіанскими трактовками того же сюжета у Марло и Кальдерона, отдавали предпочтеніе Гете. Если бы дѣло шло только о художественной сторонѣ драмы, не могло бы быть двухъ мнѣній. Не только Марло, но и великому Кальдерону трудно быть соперникомъ Гете въ поэзіи. Но странно, что критики, считающіе себя христіанами, не поняли язычскій характеръ драмы Гете, не поняли того, что Кальдеронъ былъ правѣ, чѣмъ нѣмецкій поэтъ, когда условіемъ спасенія грѣшника ставилъ его покаяніе. Мнѣ возразить, что и Фаустъ Гете чувствовалъ угрызенія совѣсти и раскаяніе. Дѣйствительно, въ тюрьмѣ, у Гретхенъ, Фаустъ восклицаетъ: „Вынесу ли я это страданіе?“, „О, для чего я родился на свѣтъ!“ Въ началѣ второй части Аріэль обращается къ эльфамъ со словами: „Утишите гнѣвное волненіе его сердца, *устраните жгучія и горькія стрѣлы совѣсти*, очистите его душу отъ пережитыхъ ею ужасовъ“. Но въ послѣднихъ словахъ мы находимъ только подтвержденіе нашей идеи. Съ христіанской точки зрѣнія угрызенія совѣсти являются началомъ возрожденія, ихъ слѣдуетъ не устранять, а черезъ нихъ переходить къ лучшей жизни, жизни невозмущаемой укорами совѣсти. Какъ истинный язычникъ, Гете заставляетъ добраго духа изгонять изъ души Фауста угрызенія совѣсти наряду съ „гнѣвными волненіями сердца“. Укоры совѣсти разсматриваются, какъ явленія слабости и болѣзни. Нѣчто вродѣ раскаянія дѣйствительно выказываетъ Фаустъ въ тюрьмѣ, у Гретхенъ. Но во-первыхъ Фаустъ первой части еще не „великій язычникъ“, какимъ явился Гете во вторую половину жизни, въ немъ есть проблески христіанства. Во-вторыхъ, полное безмолвіе совѣсти свойственно лишь безнадежно порочнымъ людямъ, которые не были героями для Гете. Дѣло не въ томъ, что Фаустъ иногда чувствовалъ укору совѣсти, а въ томъ, что эти укору не совершали въ его душѣ нравственнаго возрожденія, не вызывали того измѣненія воли, которое свидѣтельствуетъ о воздѣйствіи благодати.

Если бы авторъ „Фауста“ былъ христіанинъ, во второй части мы видѣли бы исторію *искупленія*. Но язычникъ Гете погружаетъ Фауста въ росу Леты: онъ забываетъ прошлое, свободный отъ угрызений совѣсти, онъ все болѣе и болѣе утверждаетъ въ своей богопротивной гордости. Укоры совѣсти были для него подобны стрѣламъ ужасныхъ Эвменидъ. Онъ, какъ Орестъ, былъ преслѣдуемъ фуриями, и вотъ исцѣленъ свѣтлымъ Аполлономъ, исцѣленъ отъ мукъ совѣсти, какъ отъ болѣзни. Но уже у древнихъ грековъ было сознаніе, что Эвмениды—не духи зла, а благія богини, имъ посвящена роща въ Колонѣ. А въ христіанскомъ сознаніи укоры совѣсти являются голосомъ Божиимъ. Грѣшникъ не погружается въ воды забвенія, а поддерживаетъ въ себѣ память о совершенныхъ имъ грѣхахъ и стремится ихъ загладить и искупить.

Англійскій біографъ Гете Льюисъ пишетъ: „Въ вѣкъ, когда жилъ Гете, легенда уже совершенно утратила свое прямое вульгарное значеніе, какъ для умовъ обиходныхъ,—договоръ съ сатаной не имѣлъ значенія факта, а имѣлъ значеніе только какъ символическое выраженіе волнующихъ насъ страстей и желаній“.

Допустимъ, что это вѣрно. Оставимъ пока метафизику и посмотримъ на дѣло съ чисто-нравственной точки зрѣнія. Пусть сатана—только зло, Богъ—добро, небо—духовное блаженство. Тогда вопросъ ставится такъ: возможно ли черезъ зло (ибо развѣ не зло поступокъ Фауста съ Гретхенъ, убійство Валентина?) притти къ добру и достигъ духовнаго блаженства? Различіе между добромъ и зломъ субстанціально или условно? Вѣроятно, Льюисъ далекъ отъ имморализма Ницше и признаетъ нравственные законы евангелія нормой для человѣчества. Но тогда онъ долженъ отвергнуть мораль Фауста.

Намъ возразятъ, что мы смотримъ на художественное произведеніе съ предвзятой точки зрѣнія, требуемъ отъ него морали. Но, во первыхъ, самъ Гете писалъ свою драму не такъ непосредственно, какъ напримѣръ Пушкинъ—„Руслана и Людмилу“, а для выраженія извѣстной философской идеи: „Фаустъ“ столько же драма, сколько философская система. Мы не требуемъ отъ Гете христіанской морали, а только правды о жизни. Такъ какъ христіанство есть сама истина, то ни-

такая правда не может быть противъ христіанства. Фаустъ не живой человѣкъ, а философскій символъ. Живой человѣкъ не можетъ, слѣдуя своимъ злымъ страстямъ, достичь духовной высоты. Вотъ почему гностическія системы безжизненны въ своей основѣ. Въ реальной жизни зло ощущается только какъ противоположность добра. Единство пути добра и пути зла—заблужденіе разсудка, ослѣпшаго къ истинѣ, которая доступна лишь для цѣлостнаго духовнаго знанія.

Кальдерона можно заподозрить въ католической узости. Но вотъ вамъ другой поэтъ, не только не католикъ, но даже христіанинъ лишь въ самомъ широкомъ смыслѣ, англичанинъ Возрожденія—Шекспиръ. Въ „Макбетъ“ онъ затрагиваетъ сюжетъ, аналогичный „Фаусту“. Макбетъ, подобно Фаусту, заключаетъ союзъ съ нечистой силой, которая ведетъ его отъ преступленія къ преступленію и наконецъ губить.

Да будутъ прокляты все силы ада!
Онъ морочать насъ, въ словахъ коварныхъ
Сулять успѣхъ, и поражаютъ дѣломъ...

Такъ изобразилъ Шекспиръ судьбу Макбета не потому, что хотѣлъ проповѣдать христіанскую мораль, а потому, что былъ великимъ *сердцевѣдцемъ* и *реалистомъ*. Шекспиръ понималъ, что зло сильнѣе человѣка, что нельзя дѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей, что, заключившій союзъ со зломъ неминуемо падеть его жертвой. Для гуманиста Гете человѣкъ есть все: и адъ, и небо—только отраженія его духа. Сатану онъ дѣлаетъ своимъ покорнымъ слугою, послѣ смерти онъ покаряетъ себѣ небо.

Гете не сознавалъ, что „міръ во злѣ лежитъ“, что грѣхъ есть реальная сила. Для него, какъ для Лейбница, этотъ міръ былъ лучшимъ изъ міровъ, и дьяволъ не столько страшень, сколько смѣшонъ. Предпосылокъ христіанскаго міросозерцанія—дьявола и первороднаго грѣха—Гете не принималъ, слѣдуя своему учителю Спинозѣ.

Но самъ человѣкъ для Гете былъ высочайшимъ проявленіемъ природы. Любимымъ его міромъ былъ не міръ души, а міръ неорганической природы, міръ, изучаемый ботаникой и геологіей. Въ этомъ мірѣ сила зла менѣе замѣтна, а законы неорганическаго міра Гете охотно переносилъ на чело-

вѣка. Мы уже приводили его стихи, гдѣ онъ описываетъ беременность женщины чисто-ботанически, какъ будто дѣло идетъ о неорганической природѣ. Подобное настроеніе мало вяжется съ христіанствомъ. Шекспиръ былъ болѣе христіаниномъ, чѣмъ Гете: онъ любилъ изучать душу человѣка, съ любовью вскрывалъ глубину человѣческаго страданія.

Въ русской литературѣ есть произведеніе на тему „Фауста“. Это старинная повѣсть о Саввѣ Грудцинѣ ¹⁾.

Купеческій сынъ Савва Грудцинъ любитъ одну замужнюю женщину. Въ минуту любовной тоски къ нему подступаетъ бѣсъ Лупъ, подъ видомъ торговца лошадыми. Онъ переноситъ Савву въ городъ своего отца—дьявола, и тамъ Савва подписываетъ формальное отреченіе отъ Христа. Лупъ помогаетъ Саввѣ сначала въ его любви, а потомъ и въ другихъ дѣлахъ. Савва съ Лупомъ поступаютъ на царскую службу, участвуютъ въ осадѣ Смоленска (дѣло происходитъ въ царствованіе Михаила Федоровича). Въ концѣ концовъ Лупъ скрывается невѣдомо куда, а Савва впадаетъ въ состояніе одержимости, кричитъ на весь домъ и видитъ бѣсовъ съ торжествомъ показывающихъ ему грамоту, гдѣ написано его отреченіе отъ Христа. Царь Михаилъ, услышавъ о несчастіи Саввы, присылаетъ къ нему въ домъ чудотворную икону Божіей Матери, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства. Савва горячо молится и даетъ обѣтъ монашества. Бѣсы оставляютъ его, и онъ кончаетъ жизнь въ монастырѣ, прилежно работая надъ дѣломъ своего спасенія. Эта повѣсть, мастерски рассказанная А. М. Сливницкимъ, начинается слѣдующими словами древняго сочинителя: „Повѣсть сія страха и ужаса исполнена и достойна удивленія“. Эти слова примѣнимы и къ исторіи доктора Фауста.

Вѣрная мысль, что повѣсть о продажѣ души сатанѣ исполнена „страха и ужаса“, исчезла въ новое время. Всѣ преклонились передъ языческимъ пониманіемъ Гете, согласно которому исторія чернокнижника, продавшаго душу сатанѣ,—исторія духовнаго пути генія, сверхчеловѣка. Однако и въ новой русской литературѣ явилось талантливое изобличеніе „Фауста“ и обнаруженіе тайнаго яда этой книги. Сдѣлалъ

¹⁾ Эта повѣсть мастерски, по-гоголевски обработана А. М. Сливницкимъ и напечатана имъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ псевдонимомъ Котельвы.

это писатель, далекий от церкви знаток и поклонник Гете, И. С. Тургеневъ. Въ разсказѣ „Фаустъ“ онъ изобразилъ, какъ чтеніе „Фауста“ приводитъ къ быстрой гибели молодую женщину. Подъ вліяніемъ „Фауста“ въ ней пробуждается роковая страсть, которая черезъ нѣсколько дней сводитъ ее въ могилу. Въ ужасѣ несчастная повторяетъ слова Мефистофеля:

Was will der an dem heiligen Ort?

Такъ языческая ложь, хитро-сплетенная нѣмецкимъ поэтомъ, была обличена однимъ изъ самыхъ типичныхъ русскихъ писателей. Вся ложь Гете разсѣялась среди правдивой и ясной русской природы, среди грубаго, дикаго, но вѣрнаго Христу народа. Былъ посрамленъ Фаустъ, но возвеличена Гретхенъ, а съ нею и вся средневѣковая, католическая Германія, узнавшая себя въ русской монахинѣ, когда смиренная Гретхенъ, такая какой встрѣтилъ ее Фаустъ при выходѣ изъ церкви, была вознесена на высоту въ ангельско-монашескомъ образѣ Лизы Тургенева. Лиза—это Гретхенъ, не виявшая коварнымъ искушеніемъ Фауста-язычества, но пошедшая за Христомъ „путемъ узкимъ и прискорбнымъ“. Недаромъ ее дѣтство было взлелѣяно благочестивыми разсказами няни Агаѣи, ея молодость—небесной музыкой Лемма—отзвуками забытой, старой Германіи. Когда Фаустъ отдалъ свой готическій замокъ языческой царницѣ Еленѣ, муза старой Германіи нашла пріютъ въ Россіи и стала ученицей Лемма.

Германія пошла за Фаустомъ, Россія—за Гретхенъ. Германія ищетъ мудрости и силы—Елены, Россія плачетъ передъ образомъ Богоматери. Слить эти два пути нельзя. Правда Фауста никогда не будетъ правдой Гретхенъ.

XVIII.

Параллельно съ „Фаустомъ“ писалъ Гете „Вильгельма Мейстера“. Первая часть „Вильгельма Мейстера“, какъ и первая часть „Фауста“, доступна, легко читается. Это итогъ молодости Гете. Вторая часть „Вильгельма Мейстера“—тяжела, затемнена символичкой, сумбурна, перяшлива по плану. Какъ вторая часть „Фауста“, „Страстныя годы Виль-

гельма Мейстера“—произведение старости Гете. Но въ нейъ есть мѣста глубокия и загадочныя, искупающія скуку и неуклюжесть всего произведенія. Первая часть „Мейстера“—веселый гимнъ жизни. Настроение романа—чувственное, живое, бодрое. Но на фонѣ этого веселья проходятъ сцены поразительной глубины: таинственный, мрачный образъ старика-арфиста, грустная прелесть Миньоны, ангельское видѣние Наталіи надъ истекающимъ кровью Вильгельмомъ. Послѣднія главы уже начинаютъ быть символическими и готовятъ 2-ю часть.

Міросозерцаніе „Вильгельма Мейстера“—чувственно языческое. Въ концѣ 1-й части есть вызовъ христіанству, совершенно въ духѣ „Коринтской невѣсты“.

„И вотъ теперь, когда благая природа, при помощи высшего изъ своихъ благъ, при помощи любви, исцѣлила меня; теперь, когда я на груди этой небесной дѣвушки опять сталъ чувствовать, что я есть, что и она есть, что мы съ нею—одно, что изъ этого живого союза произойдетъ третье существо и будетъ улыбаться намъ на радость... теперь вы открываете мнѣ ужасъ вашихъ адовъ, вашихъ чистилищъ, все то, что можетъ дѣйствовать только на больное воображеніе—и все это противопоставляемое живому, истинному, неувыдаемому, наслажденію чистой любви! Ступайте на встрѣчу намъ подъ тѣнь тѣхъ кипарисовъ, которые поднимаютъ къ небу свои сумрачныя вершины, приходите къ намъ въ ту бесѣдку, по стѣнамъ которой цвѣтутъ лимоны и померанцы, а скромная мирта протягиваетъ къ намъ свои нѣжныя цвѣты, и тамъ осмѣльтесь запугать насъ своими смутными, темными сѣтями, сплетенными человѣчествомъ“.

„Не справляйтесь ни съ вашими крестными ходами, ни съ истлѣвшими пергаменатами, ни съ вашими ограниченными узаконеніями и другими причудами! Спросите вы у природы и вашего сердца!... Бесплодіе, жалкое существованіе, ранняя смерть,—вотъ проклятія природы, вотъ высшія проявленія ея суровости; она наказываетъ лишь непосредственными послѣдствіями“.

Но, быть можетъ, это мысли дѣйствующаго лица, а не самого Гете? Едва ли. Всякая строка дышетъ настроеніемъ самого поэта-пантеиста. Въ тѣхъ же выраженіяхъ говорить онъ самъ въ бесѣдахъ съ Эккерманомъ.

Когда лордъ Бристоль, епископъ дербійскій, осуждалъ безнравственность „Вертера“, Гете отвѣчалъ:

„Вы своими проповѣдями объ ужасахъ наказаній въ аду до того застращиваете слабыя души своихъ прихожанъ, что они лишаются разсудка и наконецъ оканчиваютъ свое бѣдственное состояніе въ домахъ сумасшедшихъ. Вы тянете на судъ писателя и хотите проклясть сочиненіе, которое, будучи ложно понято нѣкоторыми ограниченными умами, освободило міръ отъ дюжины дураковъ и негодяевъ, которые ничего лучшаго и не могли сдѣлать, какъ вполне задуть слабые остатки своего огонька“.

Въ 1772 г. Гете пишетъ: „Есть тысячи людей, которые любили бы Христа, какъ друга, если бы имъ изображали его, какъ друга, а не какъ своевольнаго тирана, который постоянно готовъ поразить громомъ все, что не является полнымъ совершенствомъ“.

Опять ложь, опять запутываніе. Евангеліе изображаетъ намъ Христа, какъ грядущаго судію. Самъ Иисусъ говоритъ о страшномъ судѣ, объ адскихъ мукахъ. Но кто когда-нибудь говорилъ, что Христосъ готовъ поразить все, что не является полнымъ совершенствомъ? Это выдумки Гете.

Ожесточеніе Гете на христіанъ не знаетъ предѣла, оно не уступаетъ ожесточенію Ницше. Различіе въ томъ, что Гете никогда не обвиняетъ Христа, а только христіанъ и церковь. Но тѣ идеи, на которые нападаетъ Гете, развѣ не идеи самого Христа? Развѣ не Христосъ сплелъ „смутныя, темныя сѣти“, сѣти страха передъ грѣхомъ, отреченія, нищеты духовной, вѣры въ загробный судъ и адскія муки? Вѣдь все это находится въ евангеліи. Ницше былъ послѣдователемъ, когда обратилъ ко Христу тѣ слова, которыя Гете обращалъ къ христіанамъ.

Тѣмъ не менѣе, Гете до конца старался сохранить право называться христіаниномъ. Въ „Страническихъ годахъ Вильгельма Мейстера“ описывается идеальное учебное заведеніе. Одна зала въ немъ украшена картинами изъ исторіи Ветхаго Завѣта, другая—картинами Новаго Завѣта. Но онѣ кончаются Тайной Вечерью. Гете остался себѣ вѣренъ: въ его идеальномъ учебномъ заведеніи Голгова скрывается отъ учениковъ.

„Мы совершенно отдѣлили жизнь этого дивнаго Человѣка

отъ Его кончины. Въ жизни своей Онъ является истиннымъ философомъ — не пугайтесь пожалуйста этого выраженія! — мудрецомъ въ высшемъ значеніи мудреца. И Онъ твердо стоитъ на своемъ; Онъ неуклонно идетъ своимъ путемъ, возвышая все ничтожное до своей высоты, щедро падѣляя невѣрующихъ, пенемущихъ, больныхъ, отъ Своей мудрости, отъ Своего богатства и силы... Годы Его земной жизни для благороднѣйшей части человѣчества могутъ быть названы еще болѣе поучительными, болѣе плодотворными, нежели самая Его смерть: ибо къ тѣмъ испытаніямъ призванъ бываетъ каждый, а къ этому — лишь очень немногіе“.

Вотъ Христосъ Гете. Дивный человѣкъ, истинный философъ, мудрецъ, въ высшемъ значеніи мудреца. Его крестная смерть не занимаетъ центральное мѣсто, какъ это всегда было въ христіанскомъ сознаніи. Воскресъ ли Онъ? Едва ли, если вѣрить венеціанской эпиграммѣ...

Христосъ Гете — не только не церковный Христосъ, но Онъ вообще выходитъ за рамки самаго широкаго христіанскаго сознанія и прежде всего сознанія протестантскаго, гдѣ центральное мѣсто занимаетъ идея искупленія..

Христосъ Гете — не Богочеловѣкъ, а человѣкобогъ, Христосъ не пріятшій зракъ раба, а возвысившій человѣчество до божества путемъ естественнаго развитія. Если бы дѣйствительный Христосъ былъ такимъ, то непонятно, почему для эллиновъ, „ищущихъ премудрости“, евангеліе было безуміемъ.

Тотъ искаженный, ущербный Христосъ, который въ міросозерцаніи Гете могъ ужиться съ богами Греціи, былъ рѣшительно отвергнутъ болѣе смѣлымъ эллиномъ Ницше.

О Христѣ въ представленіи Гете Ницше могъ сказать: это — не Христосъ: настоящій Христосъ — проповѣдникъ смиренія, нищеты духовной, отреченія. Это — Распятый, я отрекаюсь отъ него: мой богъ — богъ эллиновъ, богъ себялюбія, сладострастія, виноградной лозы и веселья“.

Но послѣ Ницше вновь будетъ возобновлена попытка Гете, попытка создать Христа двойника, не аскетическаго, не церковнаго Христа — у Мережковскаго, Христа-Діониса — у Вячеслава Иванова. Два послѣднихъ писателя — черезъ Ницше — идутъ назадъ къ Гете. Но Христосъ Гете, будучи далеко отъ Христа евангельскаго, далеко и отъ Христа-Діониса. Это скорѣе — Христосъ - Аполлонъ — воплощеніе

мудрости, силы и красоты, спокойный и величавый образ. Это—Primo Motore, первый двигатель Леонардо да Винчи, „сынъ Божій“ Спинозы—„движеніе въ матеріи и разумъ въ мыслящей природѣ“.

Гете относится ко Христу съ глубокимъ уваженіемъ, но самъ признается, что Онъ для него „существо загадочное“. Подходъ Гете ко Христу—подходъ александрийскаго неоплатоника, который органически не можетъ понять ни искупительнаго пѣдвига Голговы, ни воскресенія во плоти. И, конечно, англійскій епископъ былъ правъ, деликатно замѣтивъ: „кажется, г. Гете — немного еретикъ“. Но это не совсѣмъ точно. Если бы Гете началъ проповѣдывать свое пониманіе христіанства, то онъ оказался бы не „немножко еретикъ“, а просто язычникъ. Но, поскольку Гете былъ поэтъ и ученый, *далекій отъ всякой церковной жизни, можно сказать, что его христіанскіе взгляды были дѣломъ его личной совѣсти.* Иная картина получается, когда взгляды Гете разсматриваются, какъ „новое религіозное сознаніе“, какъ это будетъ у Мережковскаго, Вяч. Иванова, Рудольфа Штейнера. Тогда мы вправѣ опредѣлить это навязываемое намъ гетеанское искаженіе христіанства словомъ „ересь“. Но Гете здѣсь не оригиналенъ: его религіозное сознаніе воспроизводитъ старыя неоплатоническія и гностическія заблужденія.

XIX.

Недавно вышла книга Эмилія Метнера „Размышленія о Гете“. Авторъ между прочимъ касается вопроса объ отношеніи Гете къ христіанству.

„За одиннадцать дней до кончины, Гете, въ разговорѣ съ Эккерманомъ, высказалъ рядъ воззрѣній, обличающихъ въ немъ несомнѣннаго христіанина, правда отчасти съ протестанскою, отчасти даже анти-церковною окраскою“.

„Я считаю всѣ четыре евангелія вполнѣ подлинными, ибо въ нихъ дѣйственный обликъ величія, исходившаго отъ личности Христа, величія столь божественнаго рода, въ какомъ только когда-либо Божественное являлось на землѣ. Спросить меня, свойственно ли моеѣ природѣ проявлять къ нему молитвенное благоговѣніе, то я скажу: конечно, я преклоняюсь передъ Нимъ, какъ передъ Божественнымъ Открове-

нѣмъ высочайшаго нравственнаго начала. Спросять меня, свойственно ли моей природѣ почитать Солнце, то я скажу: Конечно! Ибо оно также одно изъ откровеній Высочайшаго и при томъ самое мощное, которое намъ, дѣтямъ Земли, удѣлено воспринять. Въ лицѣ Солнца я молюсь Свѣту и творческой силѣ Господней, благодаря которой мы только и живемъ—дѣйствуемъ и существуемъ—и всѣ растенія и животныя съ нами вмѣстѣ.

Спросять же меня, склоненъ ли я положить поклонъ передъ пальцемъ апостола Петра или Павла, то я скажу: пощадите и оставьте меня въ покоѣ съ вашими нелѣпостями! „Духа не угашайте“—сказано апостоломъ. И еще одно послѣднее заключительное мѣсто: „Коль скоро чистое учение и чистая любовь Христа будутъ усвоены, какъ они суть, и въ нихъ вживутся, то человѣкъ почувствуетъ себя великимъ и свободнымъ именно въ человѣчности“.

„Я знаю“, говоритъ Метнеръ, „сказанное здѣсь Гете о Христѣ иныя сочтутъ не только слишкомъ протестантскимъ или внѣцерковнымъ, но далеко еще не христіанскимъ, отчасти даже антично-языческимъ (въ сопоставленіи съ Солнцемъ), отчасти, пожалуй, магометанскимъ (ибо въ признаніи Иисуса исповѣдующими Аллаха также отсутствуютъ: исключительность и удареніе на трагическомъ моментѣ Голгофы). Однимъ словомъ, „пантеистъ“ Гете имѣетъ свой „пантеонъ“, гдѣ уютно стоятъ рядомъ Христосъ и Фебъ, а „оптимистъ“ Гете стираетъ скорбныя черты съ иконы Спасителя, оставивъ однѣ радостныя.

Въ отвѣтъ на это необходимо сказать слѣдующее.

Подобно тому, какъ гениальный художникъ, являясь типическимъ представителемъ своего народа, *опредѣляетъ* (по мнѣнію Гете) индивидуализированный идеалъ красоты, такъ *опредѣляется* расовымъ и національнымъ характеромъ и идеалъ святости. Къ этому *опредѣленію* надлежитъ, если имѣешь дѣло съ такими великими и властными индивидуальностями, какъ Гете, присоединить также и личные моменты. Какъ во всемъ, прежде всего, и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ *преобладаетъ* одинъ изъ двухъ полярныхъ дополнительныхъ цвѣтовъ: или оптимистическій или пессимистическій. Именно, *преобладаетъ, не* исключаетъ другого. И вотъ это *преобладаніе* не рѣдко разсматривается тѣмъ типомъ, въ

которомъ преобладаетъ полярно-противоположное, — какъ исключительность, экскоммуникативность.

Между тѣмъ преобладаніе одного изъ полюсовъ вовсе не говоритъ ни о желаніи вытѣснить полюсъ противоположный, ни даже о томъ, что преобладающій полюсъ является природною доминантою, а не результатомъ нравственнаго преодолѣнія“. (Э. Метнеръ, Размышленія о Гете, 338—341).

Э. Метнеръ весьма добросовѣстно привелъ возраженія, которыя можно сдѣлать Гете отъ лица христіанства и тѣмъ облегчилъ нашу работу. Но возраженія самаго Метнера, его попытки протащить Гете сквозь врата христіанства — безуспѣшны. Гете упирается руками и ногами, и Метнеръ не очень настаиваетъ. Тѣмъ не менѣе къ христіанамъ, не принимающимъ Гете, Метнеръ обращаетъ упреки въ невѣжествѣ и недобросовѣстности.

Но мы не знаемъ чему приписать „расовую теорію Голгофы“ самого Метнера: невѣжеству въ богословіи, или недобросовѣстности. Нельзя же серьезно „Христа распятаго“ объяснять меланхоличнымъ настроеніемъ нѣкоторыхъ расъ, и особенно русской народности? Вѣдь такіе экскурсы въ область философіи исторіи приводятъ на память блаженной памяти Скабичевскаго...

Дѣло не въ пальцѣ апостола Петра, а совсѣмъ въ другомъ. Гете не признавалъ ни личнаго Бога, ни боговоплощенія, ни первороднаго грѣха, ни искупительнаго значенія Голгофы, ни воскресенія, ни пресуществленія въ евхаристіи... При чемъ тутъ палецъ апостола Петра? Самъ Метнеръ пишетъ на стр. 290: „Гете однажды сказалъ, что въ Зевсѣ Фидія богъ сталъ человѣкомъ, чтобы поднять человѣка до бога“. Вотъ формула чисто-православная, формула Аванасія Великаго, но только съ измѣненіемъ слова „Христосъ“, на слово „Зевсъ Фидія“, а этимъ въ корнѣ мѣняется смыслъ, ибо вѣдь и Метнеръ понимаетъ, что вопросъ не въ томъ, что Богъ сталъ человѣкомъ и человѣкъ Богомъ, а въ томъ, какъ это произошло.

Ложнымъ способомъ обоженія змій прельстилъ перваго человѣка: „будете какъ боги“. Христосъ показалъ иной путь къ обоженію: уничтоженіе Божества до „зрака раба“ и крестъ Голгофы. По Метнеру, въ зависимости отъ расовыхъ и личныхъ свойствъ человѣкъ избираетъ, какъ ему достигать обо-

женія: способомъ, рекомендованнымъ змѣемъ, или путемъ Христа. Это только—два полюса.

Приведя ясныя возраженія противъ христіанства Гете, Метнеръ не находитъ ничего возразить со своей стороны, кромѣ немыслимой теоріи „расовыхъ христіанствъ“, съ удареніемъ на оптимизмъ или пессимизмъ, на Зевса Фидія, или на Христѣ распятомъ. Не найдя ничего болѣе остроумнаго, не отбивъ нападеній, Метнеръ самъ занимаетъ позицію наступательную.

„Такъ часто судятъ о Гете (въ особенности въ Россіи) знающіе его недостаточно и односторонне“ (342). Но пусть самъ Метнеръ, который конечно знаетъ Гете глубоко и многосторонне, приведетъ какое-нибудь дѣльное возраженіе тѣмъ русскимъ невѣжамъ, къ которымъ причисляетъ себя и пишущій эти строки. вмѣсто этого Метнеръ продолжаетъ полемику съ русскимъ пессимизмомъ: „Во всей природѣ чувствуется неблагополучіе; „міръ во злѣ лежитъ“; да это—такъ!“ Но еще большой вопросъ, кто этотъ вселенскій трагизмъ чувствуетъ, понимаетъ и переживаетъ острѣе: тотъ ли, кто ставитъ удареніе на пессимистическомъ моментѣ, или на оптимистическомъ?

Русское сознание несомнѣнно склоняется къ пессимистическому полюсу. Свойственъ ли этотъ уклонъ природѣ или онъ—заданіе а *contrario*, здѣсь не мѣсто и не время подвергать разбору. Непріятіе всего, что носитъ на себѣ яркую печать оптимизма, весьма характерно для русскаго сознанія; оно подозрительно настораживается при видѣ какого-либо благополучія въ большомъ стилѣ; оно, можетъ быть, опасается, что, принявъ такое благополучіе, успокоится и закоснѣетъ. Все явленіе Гете имѣетъ видимость такого благополучія въ большомъ стилѣ. Это тревожитъ, настраиваетъ противъ, сердитъ. Это принимается иными едва ли не какъ личная обида... Какъ же! Обошелся самъ собою! Намъ всѣмъ необходима однимъ—церковь, другимъ—антропософія; а онъ и о Христѣ говоритъ, какъ о Божественномъ величій, откровеніи высочайшаго нравственнаго начала и въ тому подобныхъ выраженіяхъ, которыя свидѣтельствуютъ скорѣе о холодномъ отвлеченномъ почитаніи, нежели о горячей любви и о прочувствованной до конца необходимости для всего міра искупительной жертвы.

И при этомъ Гете вѣдь не замѣнилъ для себя религію наукою, философіей, искусствомъ, какъ это дѣлають многіе, отпавшіе отъ церкви или не вмѣщающіе въ себѣ идеи богочеловѣчества. Стало быть, въ чемъ-нибудь коренится же ея глубоко сокрытая религіозная тайна! Уже не въ этомъ ли благополучіи, въ своего рода самообожествленіи? Такъ судяť часто о Гете (въ особенности въ Россіи) знающіе его недостаточно и односторонне (341—342)“.

Въ христіанствѣ, если необходимо пользоваться терминологіей Метнера, есть пессимистическій и оптимистическій полюсь. Пессимистическій—ученіе о грѣхѣ, искупительной жертвѣ, необходимости поднять крестъ. Оптимистическій — ученіе о спасеніи, о любви, о воскресеніи. Оба полюса — и пессимистическій и оптимистическій — нераздѣльно соединены въ верховномъ таинствѣ Церкви—въ евхаристіи, которая одновременно есть искупительная жертва и союзъ любви, залогъ воскресенія, и въ верховномъ праздникѣ Пасхи, который одновременно говоритъ о страданіи, переходѣ отъ смерти къ жизни и воскресеніи. Гдѣ же, спрашивается, у Гете оптимистическій полюсь христіанства, когда Гете не признавалъ ни воскресенія, ни евхаристіи? Христіанство цѣльно, и нельзя его дробить на два полюса: его оптимизмъ вытекаетъ изъ его пессимизма. Оптимизмъ Гете не христіанскій, а языческій, не оптимизмъ преодоленія грѣха, а оптимизмъ до грѣха—принятіе грѣховнаго міра, какъ лучшаго и законнаго. Пессимизмъ Гете—также не христіанскій, онъ не исходная точка, а конецъ: смерть безъ воскресенія.

Только здоровый пессимизмъ христіанскаго міросозерцанія можетъ привести насъ къ освобожденію отъ зла. Христіанинъ-пессимистъ смѣло глядитъ въ лицо жизни и смерти, а не старается спрятаться за „міръ явленій“, чтобы спастись отъ небытія и хаоса, которые все равно его неизбежно поглотять. А Гете именно укрывался за ширму кантовскаго феноменализма, какъ мы это увидимъ ниже.

Неправъ Метнеръ и въ томъ, что русское сознаніе склоняется къ пессимистическому полюсу христіанства. Если этотъ полюсь—идея Голгофы, то это идея особенно подчеркнута въ западномъ христіанствѣ, въ католичествѣ и у протестантовъ, поскольку они усвоили Павлову идею искупленія. Типичный святой католическаго запада, св. Францискъ

Ассизскій сосредоточилъ все свое вниманіе на словахъ ап. Павла: „язвы Господа моего ношу на тѣлѣ“. Не значить ли это, съ точки зрѣнія Метнера, что св. Францискъ склонялся къ пессимистическому полюсу? Что же касается русскаго православія, то въ немъ особенно подчеркнуть радостный праздникъ Пасхи. Типичный монахъ православнаго Востока, св. Серафимъ Саровскій, обычно обращался къ посѣтителямъ съ привѣтствіемъ: „Радость моя, Христось воскресъ“ и умеръ онъ за пѣніемъ пасхальнаго канона, тогда какъ св. Францискъ въ послѣднія минуты жизни пожелалъ услышать полную печали и предчувствія Голгофы прощальную бесѣду Спасителя.

Если Метнеръ хочетъ сказать, что русскимъ чуждъ примитивный оптимизмъ, довольство комфортомъ и хорошимъ пищевареніемъ, то едва ли русскимъ придется стыдиться отсутствія подобнаго оптимизма. Только потерявъ наивный оптимизмъ животнаго благополучія, можно притти къ истинному оптимизму христіанскаго міросозерцанія, которое ставитъ цѣль жизни за гробомъ, но и эту жизнь наполняетъ смысломъ, поскольку въ ней осуществляется заповѣдь любви. Если въ чемъ можно упрекнуть Россію, то, конечно, не въ отсутствіи плоскаго оптимизма, а скорѣе во все растущемъ матеріализмѣ темныхъ массъ и буржуазіи и недостаткѣ выдержки и твердой воли въ слишкомъ нервной интеллигенціи.

И еще напрасно Метнеръ думаетъ, что Гете насъ „тревожить и сердить“. Мы только вполне объективно сличаемъ начала христіанскаго міросозерцанія съ началами міросозерцанія Гете, и дѣлаемъ выводъ, что эти начала не совпадаютъ, что они часто находятся въ кричащемъ противорѣчии. И кромѣ того, наши взгляды отнюдь не новы: такъ вездѣ, и въ Германіи, смотрѣло на Гете большинство вѣрующихъ христіанъ. И книга Э. Метнера, гдѣ онъ выказалъ такое глубокое и многостороннее знаніе Гете и кантіанской философіи, только выиграла бы, если бы столь же добросовѣстно, какъ къ Гете и кантіанской философіи, онъ отнесся и къ христіанству, которое онъ трактуетъ съ непозволительнымъ диллетантизмомъ, предлагая отнести идею грѣха и искупленія на счетъ личной меланхоліи нѣкоторыхъ неудачниковъ и болѣзненнаго пессимизма славянскоі расы. Хотя

это въ стилѣ самого Гете, но право же это слишкомъ большое упрощеніе далеко не простого вопроса.

XX.

Въ V актѣ „Фауста“ замѣтно вліяніе Канта, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ вліяніе Спинозы. Что же привлекло великаго пантеиста къ Канту? Его феноменализмъ, его критика метафизики, его ограниченіе человѣческаго знанія міромъ опыта.

Быть можетъ, Гете искалъ ширмы за которую укрыться отъ набѣгавшихъ на него волнъ мистицизма. Онъ былъ утомленъ блужданіями въ странѣ матерей, въ Пенейской долинѣ. Кантъ давалъ ему гладкое, эмпирическое міросозерцаніе. Гете сталъ кантіанцемъ изъ обычнаго своего чувства самосохраненія. „Земной круговоротъ достаточно извѣстенъ мнѣ, а видѣть то, что за предѣлами его не дано намъ. Безумецъ тотъ, кто, щурясь, обращаетъ туда взоры свои, кто мнитъ, что за облаками найдетъ подобныхъ себѣ. Стой онъ твердо на землѣ и оглядывайся вокругъ! Для сильнаго и крѣпкаго міръ не остается нѣмымъ. Какая надобность ему уноситься въ вѣчность? Что онъ познаетъ, то дается ему въ руки“.

Гете, какъ Фаустъ, жаждетъ отдохновенія въ эмпирической дѣйствительности. Единственная цѣль Фауста теперь—практическая дѣятельность: осушеніе морского побережья, обработка земли.

„Всѣ чувства и всѣ стремленія человѣка направляютъ его къ окружающему его внѣшнему міру и ему приходится изучать его и пользоваться имъ постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ его цѣлямъ. О самомъ себѣ человѣкъ знаетъ только то, что онъ наслаждается или страдаетъ и онъ по себѣ узнаетъ только страданіе или радость, чего онъ долженъ избѣгать и къ чему стремиться. Въ остальномъ же человѣкъ существо земное, онъ не знаетъ ни откуда явился, ни куда уйдетъ; онъ не много знаетъ о мірѣ, но о самомъ себѣ и того меньше. Я самъ себя также не знаю, и Боже избави меня отъ этого!“ („Разговоры Гете съ Эккерманомъ“ II, 191).

„Кантъ безъ сомнѣнія принесъ наибольшую пользу, указавъ границу, до которой способенъ проникать умъ человѣчскій

и что онъ долженъ оставить въ покоѣ неразрѣшимыя задачи. Чего только не философствовали относительно безсмертія! И до чего же дошли?

„Кантъ не обращалъ на меня никакого вниманія, хотя я самъ по себѣ шелъ по пути, подобному его“.

Любимымъ художникомъ Гете дѣлается Клодъ Лоррэнъ, который „зналъ дѣйствительный міръ наизусть, до малѣйшей подробности, и онъ для него служилъ средствомъ для выраженія его прекрасной души. Въ томъ то и состоитъ истинный идеализмъ, чтобы сумѣть такъ воспользоваться реальными средствами, чтобы кажущаяся правда обманывала до того, какъ будто она дѣйствительность“? (II, 186).

Но приближается смерть. Приходится разставаться съ этой жизнью, гдѣ такъ уютно подъ яснымъ солнцемъ, въ границахъ пространства и времени. Волна иной жизни, голоса изъ міра духовъ проникаютъ въ душевный міръ Гете, эти волны подмываютъ берега Кантовой философіи. Конечно кантіанство для Гете—только личина. Онъ знаетъ о трехъ мірахъ, знаетъ, что этотъ міръ не только не единственно доступный напему познанію, но тѣнь міровъ иныхъ.

Все преходящее—
Только сравненье.

Но голоса изъ иного міра не радуютъ Гете-Фауста. Тотъ міръ—чужой, загадочный и враждебный. О если бы навсегда замкнуться въ предѣлахъ видимой, эмпирической дѣйствительности! Но иной міръ врывается въ жизнь Фауста въ видѣ зловѣщихъ предчувствій.

„О, если бь могъ я удалить съ моей дороги магію, забыть навсегда колдовскія заклинанія! Если бы могъ я наконецъ, природа, стоять передъ тобою только какъ человѣкъ... Теперь воздухъ такъ полонъ этими волшебными чарами, что никто не знаетъ, какъ избавиться отъ нихъ. Если порою и улыбаются намъ свѣтло и разумно день, то ночь окутаетъ насъ паутиною сновидѣній. Весело возвращаемся мы съ цвѣтущей поляны—но заркакала птица; что означаетъ ся карканье? Бѣду! Съ утра до вечера держитъ насъ въ своихъ сѣтяхъ суевѣріе; оно стоитъ передъ нами, идетъ за нами слѣдомъ, предостерегаетъ насъ; и охваченные страхомъ стоимъ мы одиноки“. Ночная дѣйствительность, стихія бессознательнаго

пугаетъ Фауста. Такъ и Гете боялся всего ночного, ирраціональнаго. Онъ боится сумасшедшихъ домовъ, людей въ очкахъ, собакъ....

Какъ безпомощенъ великій мудрецъ! Безпомощенъ, какъ всѣ великіе эллины до Сократа, трепетавшіе передъ тайной гроба. Когда смерть близка, нельзя не думать о томъ, что ждетъ за могилой. И Гете, измѣняя своему феноменализму, начинаетъ строить гипотезы о загробной жизни. Здѣсь онъ вновь далекъ отъ христіанства и развиваетъ какую-то фантастическую, пифагорейскую теорію.

„Черезъ нѣсколько столѣтій я вновь встрѣчу Виланда въ видѣ міровой монады, въ видѣ звѣзды первой величины, и, увидѣвъ это, буду свидѣтелемъ, какъ онъ оживляетъ и просвѣтляетъ своимъ любезнымъ свѣтомъ все, что къ нему приближается“.

Гете хватается за идею, къ которой прибѣгаютъ многие люди, слишкомъ привязанные къ земной жизни, чтобы высидѣться до идеи истиннаго безсмертія въ Богѣ, за идею перевоплощенія.

„Я уже жилъ тысячу разъ и вновь возвращусь еще тысячу разъ“.

Но вотъ эпизодъ, наглядно показывающій, въ какомъ мистическомъ смятеніи умиралъ Гете.

„Объ уничтоженіи нечего и думать; но стоитъ поразмыслить о грозящей намъ опасности быть захваченными и подчиненными монадѣ, хотя и низшаго разбора, но сильной; я не могу отвергать ея на основаніи простого наблюденія природы“.

Въ это время, рассказываетъ Эккерманъ, слышалось, какъ на улицѣ нѣсколько разъ пролаяла собака. Гете чувствуетъ отъ природы отвращеніе къ собакамъ, и онъ поспѣшно подошелъ къ окну и закричалъ: „ухищрайся, какъ хочешь, ларва, а меня ты не захватишь въ плѣнь“.

Отвергнувъ во имя разума, науки и природы христіанскій мистицизмъ, Гете впадаетъ въ грезы пифагорейства, боится низшихъ монадъ, ларвъ. Вотъ какая слабая гарантія разумной трезвости „простое наблюденіе надъ природой“. Тогда какъ христіанство просвѣщаетъ умъ и сердце, озаряетъ и осмысливаетъ эту жизнь и только ярче сіяетъ у двери гроба, Гете послѣ жизни, посвященной познанію, пе-

только не знаетъ, куда идетъ по смерти, но предвидитъ возможность быть поглощеннымъ низшей монадой. „Простое наблюденіе природы“ расшатало вѣру въ провидѣніе и божественный планъ бытія. Эпилогъ Фауста разсынается пылью. Черная, безпросвѣтная ночь обступаетъ Гете, оттуда грозятся ларвы и низшія монады. Хаосъ ессалійскаго шабаша, который Гете вызвалъ своимъ магическимъ жезломъ, готовъ поглотить его самого.

Что можетъ быть грустнѣе заката жизни Гете! Передъ раскрытой дверью въ область вѣчной ночи, въ безымянный хаосъ, онъ, какъ древній элинь, озлащаетъ увядающую жизнь послѣдними лучами красоты. Онъ остается вѣренъ своимъ богамъ Греціи. Вотъ онъ въ саду стрѣляетъ изъ лука, и Эккерману кажется, что онъ видитъ въ этомъ старца воскресшаго Аполлона. Вотъ онъ предлагаетъ Эккерману кисть винограда со словами: „Вотъ, мой добрый, вкусите отъ этой сладости и будьте счастливы“. Такъ Элинь новыхъ времянь приноситъ послѣднія жертвы Аполлону и Діонису, готовясь погрузиться въ лоно безымяннаго хаоса.

Трагедія Гете отразилась на его лицѣ. Послѣдніе его портреты очень характерны ¹⁾. Его лицо, изборожденное глубокими морщинами, грубо и тяжело. Подбородокъ становится все чувственнѣе. Нижняя часть лица говоритъ о поразительномъ упорствѣ матеріальной жизни въ Гете, его влюбленности въ землю, въ міръ явленій. Но совсѣмъ о другомъ говорятъ его глаза. Эти черные, итальянскіе глаза горятъ все сильнѣе мистическимъ огнемъ, въ нихъ все болѣе и болѣе сквозить ужасъ. Это ночная, хаотическая часть Гете, которую онъ не исцѣлилъ христіанскимъ врачеваніемъ и задавилъ, заглушилъ искусственно создаваемымъ эмпиризмомъ. Наконецъ, на послѣднемъ портретѣ все лицо Гете сжалось, какъ будто провалилось, глаза раскрылись, какъ у испуганнаго орла...

XXI.

Въ ранней юности Гете изобразилъ умирающаго Геца Берлихингена. Больного Геца выносятъ въ садъ. Онъ говоритъ: „Боже всемогущій, какъ хорошо подъ Твоимъ свободнымъ

¹⁾ См. изданіе Goëthe im Alter.

небомъ! О, какъ свободно! Деревья покрываются почками и весь міръ надѣется! Прощайте, мои милые! Мои корни обрѣчены; моя мощь склоняется къ могилѣ“.

Никогда Гете не говорилъ искреннѣе, никогда не говорилъ трогательнѣе. Но тяжело умирать человѣку, который такъ горячо, такъ сознательно привязанъ къ природной жизни, къ солнцу и древеснымъ почкамъ. Гете, какъ Иванъ Карамазовъ, „любилъ клейкіе весенніе листочки“, „нутромъ любилъ“. Настроеніе его мѣнялось по солнцу: солнце скрывалось, онъ впадалъ въ уныніе, солнце проглядывало изъ тучи, онъ оживалъ. За солнцемъ устремился онъ въ Италію, бѣжавъ изъ сумрачной Германіи. Вернувшись въ Германію, онъ лелѣялъ это италіанское солнце, хранилъ его на алтарѣ своей поэзіи. Его любовь къ эллинамъ была любовью къ солнцу. Когда наступали самыя короткіе дни зимы, онъ впадалъ въ унылое и тревожное состояніе. Когда солнце поворачивало къ лѣту, онъ радостно поздравлялъ друзей и воскресалъ духомъ. Послѣдніе его слова были: „побольше свѣту“. Гете былъ слишкомъ эллинъ, чтобы быть христіаниномъ, съ пришествіемъ Христа угасли алтари солнечныхъ боговъ. Въ глубинѣ души Гете сознавалъ, что онъ не правъ, что онъ обходитъ основной вопросъ религіи. Близкій по міросозерцанію къ эллинамъ, онъ не хотѣлъ принять ихъ пессимизма. Гомеръ говоритъ, что лучше быть послѣднимъ поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ загробномъ мірѣ, а Софокль, что жизнь есть тѣнь отъ дыма и всего лучше человѣку не родиться. Такова была мрачная мудрость греческаго пантеизма. Иныя теченія греческой мысли (орфизмъ, платонизмъ) были уже разложеніемъ эллинизма и подготовленіемъ къ христіанству, и Гете естественно прошелъ мимо нихъ. Только Христосъ спасъ людей отъ безъмяннаго хаоса, только Христосъ вывелъ мертвыхъ изъ ада. Своей крестной смертью и воскресеніемъ Христосъ освободилъ человѣчество отъ власти демоновъ, смерти и ада. Но Гете, закрывавшій глаза на адъ, противъ воли ощущалъ его реальность, боялся демоновъ, ларвъ, возможности быть поглощеннымъ низшей монадой. Онъ забывалъ тотъ простой фактъ, что адъ выдумали не христіане, не епископъ дербійскій, а милые его сердцу эллины, что христіанство, наоборотъ, указало пути избавленія отъ ада. Эти пути—крестъ, крестъ и крестъ. Обходя упорнымъ молчаніемъ этотъ основной моментъ христіанства, Гете

тѣшили себя довольно дешевой вольтерьянской критикой церковныхъ обрядовъ, пошучиваль надъ мощами, обличаль корыстолюбіе духовенства...

Одна идея христіанства была особенно чужда для Гете: идея *богоматери, освященной матери*. Эта идея, церковная по преимуществу, возбуждала его постоянныя насмѣшки, она казалась ему униженіемъ природы. Разъ природа божественна именно потому, что она природа, зачѣмъ ее освящать? Отсюда отвращеніе къ ладану, „съ вѣрующимъ нахальствомъ“ коптящему фрески Сикстинской капеллы, къ колокольному звону, который „портитъ ясное вечернее небо“, наконецъ къ литургии. При видѣ римскаго первосвященника, освящающаго дары на престолѣ святого Петра, онъ нашель, что папа „двигается туда и сюда передъ алтаремъ, кривляясь и бормоча, какъ простой попъ“. Таковы обычно пантеисты. Они могутъ преклониться передъ нравственными идеалами христіанства, но для нихъ не пріемлемъ церковный культъ, таинства и обряда. Тогда какъ маленькій Шиллеръ служиль, подражая христіанскимъ священникамъ, Гете въ дѣтствѣ воздвигъ оригинальный алтарь изъ минераловъ. Храмъ не нуженъ былъ тому, для кого природа уже была храмомъ.

XXII.

Мы прослѣдили отношеніе Гете къ христіанству во всемъ его развитіи. Послѣ краткаго періода юношескаго увлеченія христіанствомъ (отчасти подъ вліяніемъ Якоби и дѣвицы Клеттенбергъ) Гете послѣдовательно идетъ къ эллинизму. Рѣшающимъ моментомъ является поѣздка въ Италію 1786 г. Прелестная Минерва и оставленный въ сторонѣ мрачный соборъ св. Франциска навсегда будутъ символомъ религіи Гете. Гете—эллинь, ученикъ Аполлона и солнца.

Гете пережилъ своихъ друзей и учениковъ, Шиллеръ, по природѣ болѣе христіанинъ, чѣмъ Гете, вѣроятно подъ вліяніемъ своего друга становится язычникомъ—пантеистомъ¹⁾.

Но то, что поддерживало жизнь Гете, подкосило жизнь Шиллера. Если Гете, какъ Антей, крѣпъ, припадая на грудь земли, то Шиллеръ остался больнымъ, сантиментальнымъ язычникомъ—идеалистомъ. Онъ умеръ сорока лѣтъ.

¹⁾ Если пантеизмъ Гете оказалъ вліяніе на Шиллера, то и обратно—кантіанскій идеализмъ Шиллера оказалъ вліяніе на Гете.

Еще меньше прожилъ другой сынъ Гетева духа, сынъ Фауста и Елены—Эвфоріонъ-Байронъ. Онъ погибъ 36 лѣтъ, отверженный своей родиной, проклятый церковью. Третій, и болѣе всѣхъ вѣрный духу учителя ученикъ Гете Ницше кончилъ жизнь безуміемъ. Такъ, подобно Леонардо да Винчи, Гете „сглазилъ“ своихъ учениковъ. Никто не имѣлъ такого крѣпкаго желудка, какъ Гете, никто не могъ переварить его язычества.

Гете любилъ нѣжно и Шиллера, и Байрона, но не безъ чувства собственнаго превосходства. Недостаткомъ Шиллера считалъ онъ его болѣзненность, въ Байронѣ не одобрялъ того, что онъ „презрѣлъ и нравы, и законъ“.

Гете жилъ вдвое больше, чѣмъ его ученики. Земля, которую онъ любилъ какъ мать, не разставалась съ нимъ, сколько было въ ея власти. Она надѣлила его всѣми своими дарами: силой, здоровьемъ, красотой, мудростью. Поэтической силой онъ былъ несравненно выше и Шиллера и Байрона. Но смерть Гете мрачнѣе смерти Шиллера, и Байрона. Въ душѣ Байрона была искра любви, которая не отъ міра, а отъ Христа. Жалость къ угнетеннымъ, презрѣніе къ земной жизни привели его въ Миссолонги, гдѣ онъ нашелъ славную смерть. Шиллеръ всегда казался случайнымъ гостемъ этого міра. Но Гете былъ сынъ Земли, „перстный Адамъ“. Земное должно возвратиться въ землю.

XXIII.

3-й актъ 2-й части „Фауста“—„Елена“—кончается хореическими тетраметрами, достойными Аристофана. Въ нихъ воспѣвается сборъ винограда, пляска на гроздьяхъ, обряды священныхъ Діонисій.

И пойдутъ гремѣть кимвалы вмѣстѣ съ мѣдными тазами,
Потому что Діонисій изъ мистеріи возникъ.

Такъ полную Аполлономъ драму Гете заканчиваетъ праздникомъ Діониса, рожденіемъ трагедіи ¹⁾. Гдѣ кончилъ Гете,

¹⁾ Фетъ въ своемъ комментаріи къ «Фаусту» рассматриваетъ діонисическій финалъ 3-го акта въ связи со смертью Елены. Діонисическая стихія является началомъ смерти и разрушенія эллинскаго міра. Но здѣсь Фетъ, какъ послѣдователь Шопенгауера и буддійской философіи, одностороннѣ толкуетъ значеніе Діониса. Благодаря Ницше, мы имѣемъ возможность нѣрнѣе угадать идею самого Гете.

тамъ начнетъ Ницше. Ницше—только дальнѣйшее раскрытіе Гете.

Во первыхъ, въ предѣлахъ эллинизма. Гете воплотилъ въ себѣ по преимуществу аполлиническую сторону Греціи, онъ былъ ученикомъ Гомера и Софокла, его Греція—солнечная, разумная Греція объективно-прекраснаго Олимпа—Греція идей. Ницше первый растолкуетъ намъ Гете, разсмотрѣвъ его эллинизмъ сквозь схему Шопенгауэровой философіи.

Аполлинизмъ—міръ идей, объективаций воли—Гомеръ, Софокль, Гете. Діонисизмъ—міръ безобразный, сама воля, музыка—Гераклитъ, Эсхиль, Ницше. Ночь эллинскаго духа, страстная, хаотическая душа эллина, которую Ницше закрылъ солнцеподобными ликами олимпійцевъ, обнажена у Ницше. Ницше—Діонисъ, грядущій вслѣдъ за Аполлономъ-Гете.

Въ отношеніи христіанства Ницше также выходитъ изъ Гете. Онъ унаслѣдовалъ отрицательное отношеніе Гете къ религіи Голговы, смиренія, отреченія, аскетизма. Но Гете, высмѣивая христіанъ, никогда не поднималъ руку на Христа. Ницше покажетъ, что Христосъ Гете не есть Христосъ евангелія и перкви, что истинный Христосъ—именно Христосъ церкви, Христосъ смиренія, отреченія. Противъ этого Христа онъ напишетъ свою книгу „Антихристъ“. Не защищенный ни Гетевымъ аполлинизмомъ, ни Гетевымъ самосохраненіемъ, осторожностью, Ницше падетъ жертвой своего бога—Діониса. Темная, хаотическая стихія ночной Эллады, міръ глухой, подземной воли загаситъ свѣтильникъ его разума. Геніальный ученикъ Гете кончаетъ безуміемъ. Тотъ хаосъ, который всталъ передъ взоромъ Гете за нѣсколько дней до смерти, міръ ларвъ, привиденій и демоновъ погубитъ Ницше, во цвѣтѣ лѣтъ.

Ницше—самый близкій отцу сынъ Гете. Къ нему еще болѣе, чѣмъ къ Байрону, подходитъ образъ Эвфоріона—сына Фауста и Елены. Какъ Эвфоріонъ, Ницше былъ рожденъ Фаустомъ—Гете и Еленой—Элладой. Какъ Эвфоріонъ, онъ былъ безуменъ въ своемъ стремленіи и обольстительно—прекрасенъ. Эвфоріонъ все время прыгаетъ съ утеса на утесъ и пляшетъ надъ безднами. Ницше особенно любилъ пляску и придавалъ ей религіозное значеніе. И этотъ сынъ Гете, какъ Эвфоріонъ, погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ, а за нимъ сошла въ преисподнюю и Елена.

То, что Ницше раздѣлилъ въ Гете, вновь соединили Ме-

режковскій и Вяч. Ивановъ. Объединивъ Аполлона Гете и Діониса Ницше, они попытались объединить ихъ обоихъ со Христомъ. Гетеанство начинаетъ развиваться въ гностицескомъ направленіи. „Фаустъ“ возвращается къ своему первоисточнику, къ легендѣ о Симонѣ Волхвѣ и Еленѣ. Такимъ образомъ гностицизмъ,—самарійскій соперникъ Иисуса Симонъ магъ, объявившій войну христіанству въ первые вѣка, побѣжденный на долго церковью, пробудившійся въ эпоху Ренессанса, окончательно воскрешенный гениемъ Гете, вновь объявляетъ войну христіанству, а театромъ войны является Россія.

XXIV.

Но Россія имѣетъ могучее орудіе противъ антихристіанскаго гностицизма, это—ея литература. Пушкинъ былъ такимъ же создателемъ русской поэзіи, какъ Гете—нѣмецкой. Какъ Гете, Пушкинъ былъ эллинь, язычникъ Возрожденія. Но если у Гете его язычество, все развиваясь, заглушало христіанство, то у Пушкина наоборотъ: язычество постепенно шло на убыль, съ каждымъ годомъ онъ приближался къ христіанскому міросозерцанію. Какъ наслѣдники Гете развивали его язычество въ „Нибелунгахъ“ Вагнера и философіи Ницше, такъ наслѣдники Пушкина все ближе и ближе подходили къ евангелію: Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой. Гоголь кончаетъ свою жизнь „схимникомъ сокрушеннымъ“¹⁾, Тургеневъ приводитъ русскую душу къ монастырю въ лицѣ Лизы, Достоевскій кончаетъ символической драмой Карамасовыхъ и вѣщимъ видѣніемъ старца Зосимы, Толстой призываетъ Россію къ покаянію и очищенію отъ грѣховъ.

Мы замѣренно такъ долго остановились на Гете. Понятъ Гете—значитъ понятъ современное антихристіанское движеніе. Все оно—отъ Гете и къ Гете, кость отъ костей его и плоть отъ плоти. Съ него идутъ Ницше, Мережковскій, Вяч. Ивановъ, Рудольфъ Штейнеръ. Уясненіе Гете значительно поможетъ намъ разобраться въ современномъ лжехристіанствѣ, которое съ виду кажется сложно и разнообразно, а на дѣлѣ сводится къ нѣсколькимъ еретическимъ формуламъ, варьируемымъ на всѣ лады.

Намъ кажется, что уже достаточно выяснилось одно,—язы-

¹⁾ Выраженіе кн. Вяземскаго.

чество Гете, его несомвѣстимость съ христіанствомъ. Правда это ясно само по себѣ и, казалось бы, не нуждается въ столь подробномъ обоснованіи. Но въ наше время, время всякой лжи, къ которому примѣнимы слова Тютчева:

И цѣлый міръ, какъ упоенный ложью,
Всѣ виды зла, всѣ ухищренья зла.

въ наше время появилась тенденція приписать христіанство отцу современнаго язычества и тѣмъ окончательно запутать вопросы, значеніе которыхъ имѣютъ непосредственное вліяніе на нашу духовную жизнь. Можно ли быть христіаниномъ, не признавая Воскресенія и отворачиваясь отъ Голгофы, можно ли достичь небесъ путемъ общенія съ сатаною и т. д.

Задача наша была не осуждать Гете, а показать, что онъ былъ противникомъ христіанскихъ началъ и потому совмѣстить христіанство и гетеанство нельзя. При этомъ мы разумѣемъ, конечно, не любовь къ поэзіи Гете, а отношеніе къ Гете, какъ къ учителю жизни. Можно восхищаться „Пѣсней Миньоны“, оставаясь добрымъ христіаниномъ, но сдѣлать основой жизни и творчества идеи великаго веймарскаго поэта можно только, отказавшись отъ тѣхъ путей, которымъ насъ учить евангеліе Христа. Мы ничуть не умаляемъ ни философскаго, ни поэтическаго значенія Гете, мы смѣло ставимъ его рядомъ съ Платономъ, Дантомъ и Шекспиромъ. Но неужели же зло въ мірѣ дѣйствуетъ только черезъ плохихъ поэтовъ и философовъ? Тогда борьба съ нимъ была бы слишкомъ легка. Но когда мы задумаемся о нашей душѣ, о нашихъ обязанностяхъ къ Богу и людямъ, когда мы будемъ искать спасенія и вѣчной жизни, тогда не только Гете, но и десять такихъ поэтовъ, какъ Гете, не замѣнятъ намъ смиренныхъ въ своей простотѣ евангельскихъ писаній. Только въ этихъ писаніяхъ найдемъ мы небесную мудрость.

Не будемъ извращать нашей природы, прислушаемся къ голосу нашей совѣсти. По природѣ мы всѣ христіане, мы всѣ знаемъ, что небо лучше земли, что не на землѣ, а на небѣ—наша вѣчная отчизна, что на землѣ мы странники и пришельцы. Будемъ же вѣрны небу: оно не обманетъ нашей надежды, какъ мать не можетъ обмануть своихъ любимыхъ дѣтей.

Священникъ Сергій Соловьевъ.